

К 50-летию кафедры ТХВ (НХС)

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

Беглые заметки преподавателей, сотрудников
и выпускников разных лет
кафедры ТХВ (НХС)

Москва 2010

Оглавление

	Стр.
Предисловие	3
Лыков О.П. – д.т.н., профессор кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, академик РАЕН, выпускник МНИ им. И.М.Губкина 1958 г.....	4
Силин М.А. – заведующий кафедрой технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, д.х.н., профессор, член-корр. РАЕН, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1978 г.....	14
Низова С.А. – д.х.н., профессор кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, Заслуженный химик РФ, выпускница МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1960 г.....	26
Голубева И. А. - д.х.н., профессор кафедры газохимии, выпускница МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1960 г.....	29
Вишнякова Т.П. - д.х.н., профессор кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности и кафедры органической химии и химии нефти, выпускник МНИ им. И.М.Губкина 1939 г.....	35
Власова И.Д. - к.х.н., старший научный сотрудник кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности (1961-2004 гг.), выпускница МНИ им. И.М.Губкина 1961 г.....	41
Крылов И.Ф. - д.т.н., профессор кафедры газохимии, выпускник МНИ им. И.М.Губкина 1958 г.....	44
Трофимов В.А. - к.х.н., доцент кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1963 г.....	46
Никонов В.И. – к.х.н., доцент кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускник Бухарестского института нефти, газа и геологии 1960 г.....	55
Глебов Л.С. - Директор Департамента нефтегазохимии ОАО «НК «Роснефть», д.х.н., профессор, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1972 г.....	73
Соколов Б.Ф. - к. х.н., литературный редактор Изд.Дома «GameLand», выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1967 г.....	76
Жагфаров Ф.Г. - д.т.н., профессор кафедры газохимии, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1977 г.....	82
Толстых Л.И. – к.х.н., доцент кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускница МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1970 г.....	84
Давлетшина Л.Ф. - к. т. н., старший преподаватель кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускница Альметьевского нефтяного института 1998 г.....	87
Пономарева В.В. - аспирантка кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускница РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина 2007 г.....	89
Шидгинов З.А. - м.н.с. кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускник РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина 2009 г.....	91

Предисловие (совсем короткое)

Проходят дни, месяцы, годы... Вот уже целых 50 лет живёт, работает, выпускает инженеров-технологов, бакалавров и магистров, кандидатов и докторов наук наша кафедра – когда-то кафедра нефтехимического синтеза, теперь – кафедра технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности.

И всех нас, авторов этих заметок, от маститых профессоров и академиков до вчерашних студентов, объединяет одно – мы все так или иначе связаны с нашей кафедрой и друг с другом. Кто-то пришел на кафедру в далеком 1960 г., кто-то совсем недавно, кто-то работает здесь всю жизнь, а кого-то судьба привела к нам на несколько лет...

И эти воспоминания - размышления о времени и о себе (как мы рискнули их назвать), пространные и совсем короткие, легкомысленные и серьезные, отнюдь не претендующие на литературную значимость, позволяют нам заново увидеть друг друга, что-то вспомнить, чему-то улыбнуться, о чем-то задуматься...

Для кого эти заметки? Прежде всего – для нас самих. А может быть и для наших коллег, наших студентов, наших детей и внуков....

Лыков О.П. – д.т.н., профессор кафедры
технологии химических веществ
для нефтяной и газовой промышленности, академик
РАЕН, выпускник МНИ им. И.М.Губкина 1958 г.

Окончив Московский нефтяной институт (МНИ) им. И.М. Губкина (так тогда назывался наш Университет) в 1958г. по кафедре технологии переработки нефти и газа, я был распределен на работу в организацию, которая называется теперь НПО «Энергия», возглавляемую генеральным конструктором СП. Королевым.

Сегодня направление ее работы известно всему миру, а тогда это был «почтовый ящик № 651» в г. Калининграде (сегодня г. Королев) Московской области. В те годы действовало постановление о том, что в аспирантуру могут поступать только специалисты, проработавшие не менее двух лет на производстве. Да, честно говоря, я не стремился тогда в аспирантуру. Работа в СНО на кафедре показалась мне не интересной, а в организации, «где делают ракеты», а это было начало космической эры, очень заманчивой.

Однако, спустя два года я все же решил поступать в аспирантуру на кафедру технологии производства масел и смазок и применения нефтепродуктов. Однако, поступил на кафедру общей химии, которую возглавлял директор (ректор) тогда уже Московского института нефтехимической и газовой промышленности (МИНХ и ГП) им. И.М. Губкина проф. К.Ф. Жигач.

Мое решение было связано с тем, что при этой кафедре уже существовала научно-исследовательская группа, возглавляемая доц. В.Н. Демишевым, которая стала ядром новой кафедры. Направлением деятельности новой кафедры стала подготовка специалистов-технологов для новой отрасли промышленности - ракетной техники. Кафедра носила название «Технологии химических веществ», сокращенно ТХВ, поскольку сама структура подготовки студентов, названия дисциплин и содержание читаемых курсов были засекречены. Студенты брали пронумерованные тетради в первом отделе института и сдавали их туда в конце рабочего дня.

В 1963 г. по окончании аспирантуры я был оставлен на педагогическую работу на этой кафедре, а в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию. Однако, в связи с тем, что в это время на кафедре во время выполнения дипломной работы с одним из студентов произошел несчастный случай со смертельным исходом (но и не только поэтому) руководство института приняло решение прекратить подготовку специалистов в этой области (было сделано всего четыре выпуска) и закрыть кафедру.

Проректор института по учебной работе доц. А.Г.Сарданашвили предложил мне по-

ехать работать в Алжир в создаваемый тогда с помощью специалистов нашего института Алжирский национальный нефтяной и текстильный центр. Я работал в Алжире в течение трех лет и читал там курсы технологии переработки нефти и нефтехимического синтеза.

После возвращения из Алжира, когда мне предстояло выбрать новую кафедру для работы, я не особенно размышлял и обратился к зав.кафедрой технологии нефтехимического синтеза проф. Я.М. Паушкину. Дело в том, что мне пришлось с ним сталкиваться несколько раз за время учебы и работы в институте. Даже свою первую беседу с ним я запомнил очень хорошо. Ярослав Михайлович, тогда еще профессор кафедры органической химии и химии нефти, в 1957г. читал нам вторую часть курса органической химии.

Многие студенты считали, что читал он весьма своеобразно, «занудно», как они говорили, но мне его лекции нравились прежде всего логикой построения излагаемого материала, и я посещал все лекции, чего честно говоря, не практиковал при изучении других предметов. На экзамене я первым сел к нему отвечать и бойко ответил на все вопросы билета, причем второй вопрос был об ароматических аминах. Ярослав Михайлович взял зачетку и, уже проставляя оценку, спросил, чем последние отличаются по химическим свойствам от алифатических аминов. Это был удар ниже пояса, так как алифатические амины были в материале прошлого семестра, а какой же нормальный студент будет помнить материал прошлого семестра? Я начал отвечать что-то нечленораздельное, но в зачетке уже появилась оценка «отлично». Я думаю, что меня в этом эпизоде профессор не запомнил.

Вторая встреча (я в ней не принимал непосредственного участия) произошла на защите кандидатской диссертации одной из девушек нашей компании, выполнявшей работу на кафедре технологии нефти и газа, в 1965г. Ярослав Михайлович, тогда уже заведующий кафедрой технологии нефтехимического синтеза, был у нее официальным оппонентом. Он выступил и в своей обычной манере, несколько пережевывая слова, сказал все, что обычно говорится в таких случаях, что работа хорошая и полностью удовлетворяет требованиям ВАК. Потом, помолчав пару секунд, добавил примерно следующее:

- Хотя на нашей кафедре мы такие работы дальше студенческих дипломных проектов не пускаем. - и сел на место.

Что тут началось! За долгие годы работы в разных Советах по защите диссертаций я не видел ничего подобного. Профессора кафедры технологии переработки нефти и газа, другие члены Совета говорили, что это очень хорошая, добротная работа, ее нельзя сравнить со студенческой дипломной работой и т.д. и т.п. В конце дискуссии слово вновь взял Ярослав Михайлович и сказал, что его неправильно поняли, что работа конечно же отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Потом, помолчав, добавил:

- И все-таки на нашей кафедре мы такие работы дальше дипломных проектов студен-

тов не пускаем.

Голосование все же прошло успешно для соискателя.

Третья встреча произошла уже при трагических обстоятельствах - проф. Я.М. Паушкин в 1966г. был председателем комиссии по проверке работы кафедры ТХВ, связанной с гибелью студента-дипломника. Он изучал учебные планы, просматривал конспекты лекций всех преподавателей, которые были с грифом «Секретно» в пронумерованных тетрадях и хранились в первом отделе. Мои лекции ему очень понравились, он долго беседовал со мной и сказал потом некоторым своим молодым сотрудникам, что такой молодой преподаватель (ассистент) создал лекционный курс, которого еще нет ни в одном ВУЗе страны. С тех пор он меня, конечно, запомнил. Но я об этом узнал уже много позже.

Поэтому, когда в конце того же года встал вопрос об официальном оппоненте моей кандидатской диссертации, проф. Я.М. Паушкин согласился ее оппонировать.

Однако, тут возникли определенные проблемы. Дело в том, что диссертация и автореферат хранились в первом отделе и имели гриф «секретно», их нельзя было взять домой, чтобы в субботу или воскресенье спокойно прочитать и написать отзыв. Это можно было сделать только в институте и только в течение рабочего дня, т.е. до пяти часов вечера, а зав.кафедрой днем, я это хорошо знаю по себе, в институте бывает очень занят. Короче, прихожу к нему за неделю до защиты (ВАК формально требует от оппонента предоставить отзыв в Совет за десять дней до защиты). Спрашиваю, как отзыв. Ярослав Михайлович говорит, что был очень занят, но что через пару дней отзыв будет готов. Захожу через пару дней, ответ тот же. На следующий день - аналогичный ответ. Но у меня до защиты всего один день. Прихожу и говорю, что времени уже нет, защита завтра. Ярослав Михайлович усадил меня и сказал:

- Расскажите суть работы и главные достижения.

Ну, про достижения, я ему пропел четко и складно, я ведь был уже готов к защите.

- А недостатки? - спросил Ярослав Михайлович.

Я промямлил что-то вроде того, что их у меня в работе нет (защищающиеся обычно никогда не говорят о недостатках своей работы).

- Так не бывает, подумайте.

Тогда я быстро сказал, что не получилось, а что получилось не так, как рассчитывал и непонятно почему.

На следующий день на Совете Ярослав Михайлович выступал как оппонент, хвалил работу и уже не говорил, что она хуже тех, которые делаются на его кафедре.

Когда я пришел к нему с просьбой принять на работу на кафедру НХС Ярослав Михайлович подробно расспрашивал меня о работе в Алжире, о курсах, которые я там читал.

Когда я назвал курс технологии нефтехимического синтеза, он спросил, на основе какого учебника я читал этот курс. Я ответил, что в основном по его новой книге «Нефтехимический синтез в промышленности», и ему это понравилось.

В итоге я был принят на кафедру НХС на должность старшего преподавателя, а большинство молодых преподавателей кафедры работали именно в этой должности.

Я пришел на кафедру, которая существовала уже десять лет. Когда я беседовал с Ярославом Михайловичем в его кабинете, то увидел лист ватмана, на котором напротив фамилий всех молодых преподавателей (человек 10-12) стояло число опубликованных ими научных трудов. Надо сказать, что все без исключения преподаватели в эти, да и в последующие годы очень много публиковались. У некоторых из молодых преподавателей эта цифра превышала 20. Это меня очень огорчило. Во время работы в НПО «Энергия» и выполнения кандидатской диссертации по спец.тематике я не имел возможности публиковаться в научных журналах, а во время работы в Алжире — тем более. В итоге у меня было всего четыре публикации. Впрочем, впоследствии в том числе и это стало одним из стимулов по написанию статей, тезисов на конференции, заявок на авторские свидетельства.

Я быстро влился в молодой коллектив кафедры, поскольку многих из тех, кто работал, знал раньше по учебе в аспирантуре и даже в студенческие годы. Надо сказать, что Ярослав Михайлович умел отбирать для работы на кафедре энергичных и талантливых молодых людей, благо выбор у него был широкий - в аспирантуру стремились многие, а остаться потом работать на кафедре считалось большой удачей. Правда, уже в то время появилась шутка:

- Чем отличаются тридцатые года от шестидесятых?

- В тридцатые годы середняк пошел в колхоз (широко известное в те годы изречение из «Краткого курса истории КПСС»), а в шестидесятые - в аспирантуру.

Дальше встал вопрос о выборе направления научных исследований. На кафедре к тому времени (начало семидесятых годов) уже сложились две независимые научные школы, современные названия которых, впрочем, были сформулированы гораздо позже. Одна, возглавляемая проф. Я.М. Паушкиным, - «Преобразование углеводов и их производных в технологических процессах нефтехимии». Такая формулировка позволяла включить в это направление исследования в области химии и технологии ферроценсодержащих соединений и присадок к топливам (доц. Т.П. Вишнякова), окислительного и каталитического пиролиза (доц. С.В. Адельсон), органических полупроводников (доц. А.Ф. Лунин, С. А. Низова) и др.

Вторая научная школа, возглавляемая акад. АН Армянской ССР В.И. Исагулянцем, - «Катализ ионитами в нефтехимии», в рамках которого проводились широкие исследования в области присадок к массам. Все преподаватели кафедры работали в рамках этих направле-

ний. Хотя отношения между руководителями научных школ были довольно натянутыми, это никак не сказывалось на личных отношениях молодых преподавателей и сотрудников, а сами руководители всегда поддерживали молодых ученых, к какой бы школе те ни принадлежали.

Традиционными были, например, банкеты в ресторанах, в основном, по случаю защиты диссертаций. Всего, включая аспирантов, на кафедре работало свыше ста человек. Кафедра выпускала в год три студенческие группы дневного отделения, одну - вечернего, а были еще и заочники, т.е. более ста инженеров-технологов ежегодно.

Очень острой была проблема рабочих мест — у преподавателей бывало по 4-5 дипломников, выполнявших исследовательские работы. Ярослав Михайлович выделил мне половину лабораторного стола в одной из комнат. Поговорив с преподавателями, я выбрал научное направление в области присадок к топливам, возглавляемое доц. Т.П. Вишняковой.

Вскоре после моего прихода случилось значительное событие в жизни кафедры - в начале 1971г. проф. Я.М. Паушкин был избран членом-корреспондентом АН БССР и покинул кафедру, переехав на работу в г.Минск. Замену ему был найти непросто.

Руководство института остановило выбор на д.х.н. из Института нефтехимического синтеза АН СССР Ю.Б. Крюкове. Юрий Борисович был очень мягкий и интеллигентный человек. Он быстро столкнулся с проблемой рабочих мест для своих аспирантов. К тому времени все площади научно-исследовательских лабораторий, (а их было очень много!) было твердо закреплены за научными группами, руководители которых держались за них мертвой хваткой. Прошло полгода, а у зав. кафедрой не было не только лаборатории, где он мог разместить своих аспирантов, но даже одного лабораторного стола. В это время одна из аспиранток проф. Я.М. Паушкина закончила свою диссертационную работу и освободила вторую половину моего лабораторного стола. Я, не раздумывая, занял ее, полагая, что в этой ситуации являюсь самым обездоленным по части площадей преподавателем. И тут меня вызвал Юрий Борисович и сказал примерно следующее:

- Олег Петрович, я до сих пор не имею ни метра в лабораториях кафедры, все давно поделено. Я очень рассчитывал на эти полстола. Не могли бы Вы оказать мне услугу - уступить освободившуюся половину?

В этом был весь Юрий Борисович. Что тут было ответить?

- Конечно, - ответил я, - если полстола могут спасти положение, я их Вам уступаю.

К сожалению, Юрий Борисович вскоре тяжело заболел и умер в 1973 г., проработав заведующим нашей кафедрой чуть более двух лет.

Вообще говоря, для кафедры, где работало свыше 100 человек, проблема рабочих мест стояла очень остро, и основные конфликты происходили именно на этой почве. По сложившейся традиции на кафедре, в отличие от других кафедр факультета, не было общей

преподавательской. Отдельные кабинеты, помимо заведующего и В.И. Исагулянца имели преподаватели старшего поколения - Т.П. Вишнякова и С.В. Адельсон. Рабочие места остальных преподавателей находились в химических лабораториях.

После смерти Ю.Б. Крюкова руководство института долго не могло решить вопрос о заведующем кафедрой. Реальных претендентов было двое - доценты А.Ф. Лунин и П.С. Белов. Оба активно занимались общественной работой - П.С. Белов был членом парткома института, А.Ф.Лунин - секретарем партийного бюро факультета. Большинству молодежи импонировал А.Ф. Лунин, энергичный, остроумный, сам из молодого поколения преподавателей. Ректорат приказом назначил его исполняющим обязанности зав. кафедрой и, как оказалось, надолго (1973-1977г.г.), при этом не допуская его - доцента - на избрание по конкурсу на эту должность.

Когда же практически одновременно А.Ф. Лунин и П.С. Белов защитили докторские диссертации, выбор пал на Петра Степановича Белова, а Александр Федорович Лунин был избран заведующим кафедрой органической химии и химии нефти.

Вообще, выпускники одной кафедры НХС в Университете гораздо чаще, чем выпускники всех остальных кафедр факультета химической технологии и экологии вместе взятых становились зав. кафедрами. Сегодня это С.В. Мещеряков (кафедра промышленной экологии), В.Н. Кошелев (кафедра органической химии и химии нефти), В. А. Винокуров (кафедра физической и коллоидной химии), Б.П. Тонконогов (кафедра химии и технологии смазочных материалов и химмотологии), Е.В. Глебова (кафедра промышленной безопасности и охраны окружающей среды).

В 1970-80 годы преподаватели кафедры много времени проводили на заводах, прежде всего как руководители практик студентов. География практик была очень широкой - от Ново-Полоцка (Республика Беларусь) на западе до Ангарска (вблизи оз. Байкал) на востоке страны. Это примерно месяц в течение года. Если учесть и 2-3 ежегодные командировки по научно-исследовательской тематике, то только за двадцать лет каждый из нас провел на заводах в общей сложности не менее двадцати месяцев - почти два года. Поэтому все преподаватели очень хорошо знали проблемы производства нефтехимической отрасли.

Практика студентов в те годы длилась почти два месяца, предприятий было много и преподавателей на все время пребывания студентов на заводе просто не хватало. На первую часть практики обычно посылали сотрудников. При этом тоже разгорались нешуточные страсти. Сотрудники обычно были не против, а вот руководители подразделений – против и даже очень. Ведь сотрудник – это рабочие руки, а его отсутствие в течение, скажем, трех недель могло привести к проблемам с выполнением хозяйственных работ. Мне, как ответственному за организацию практик, каждую весну приходилось по многу раз доказывать, тре-

бовать и упрашивать руководителей лабораторий отпустить сотрудника.

Часто основной проблемой было удержать студентов на заводе до конца отведенного на практику срока. Понять студентов было можно - почти два месяца в чужом городе, часто не в самом комфортном общежитии. Логика студентов была простая:

- Мы все изучили, написали отчеты, цеховое начальство не против отъезда.

А когда оно было против, как говорится, баба с возу...

Преподаватели противодействовали этому как могли. Я сам применял безотказно действующую схему.

- Хотите уехать, пожалуйста. Завтра я всей группе задам пару очень простых вопросов. Ответите - уезжайте, нет - остаетесь.

На следующий день подвожу группу к какому-либо сепаратору, проще аппарата вроде на установке и нет.

- Что это?

Радостные крики группы:

- Сепаратор!

- Для чего он здесь?»

Опять крики типа:

- Входит газо-жидкостной поток, сверху выходит газ, снизу жидкость. Ура, едем домой!

- Нет, объясните сначала, почему если нужны всего три патрубка и всего три трубопровода, их здесь по восемь?

Полное уныние - один-два дополнительно еще могли назвать, но целых пять!!!

- Ну, вот, не знаете, а ведь согласитесь, что это самый простой аппарат.

Приходилось оставаться.

Вообще, студенты специальности не доставляли преподавателям много хлопот, большинство составляли девушки, а, как говорится, умных красавиц легче искать среди красивых умниц (или наоборот?). Специальность по общему рейтингу, тогда, правда, и слова такого не употребляли, всегда была первой на факультете и обычно входила в тройку лучших специальностей института. Справедливости ради надо, однако, отметить, что после окончания института совсем немногие из наших блестящих выпускниц достигли вершин в науке (доктора наук) и на производстве.

С уходом Я.М.Паушкина, который был непререкаемым авторитетом, заседания кафедры проходили очень бурно, каждый был «сам себе Бетховен», привычно было перебивать выступающего, говорить громко, чуть ли не кричать. Но после такого обсуждения все мирно шли в столовую и расходились по лабораториям. Проходившая на кафедре стажировку пре-

подаватель из Уфимского нефтяного института, побывав на таком заседании, была очень удивлена, сказав, что была уверена - после такой дискуссии коллеги месяц не будут разговаривать друг с другом.

Все молодые преподаватели были друг с другом на «ты» и эта привычка сохранилась у большинства из нас на долгие годы, когда всем уже за семьдесят.

Петр Степанович Белов проработал заведующим кафедрой 17 лет, после чего по болезни оставил работу в университете. У него были свои положительные и отрицательные качества. Главным я считаю, что он не мешал преподавателям выполнять исследования и защищать докторские диссертации. Именно при нем защитили докторские диссертации доценты С.А. Низова, И.А. Голубева, О.П. Лыков, И.Ф. Крылов, ст.н.с. К.Д. Коренев, т.е. больше, чем на любой другой кафедре факультета.

При П.С. Белове в 1991г. кафедра нефтехимического синтеза была преобразована в кафедру технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности. Началась переориентация научных исследований в этом направлении, появился новый лабораторный практикум и новые лекционные курсы.

Однако, проводимые в стране преобразования, прекращение финансирования отраслевых и проблемных лабораторий, отсутствие договоров с находящимися в тяжелом положении промышленными предприятиями, а также консерватизм некоторой части преподавателей не позволили кафедре полностью переключиться на новую тематику. Примерно половина дипломных проектов и аспирантских работ выполнялась в рамках «классического» нефтехимического синтеза

Что касается моей научно-исследовательской работы, то недавно ушедшая от нас Тамара Петровна Вишнякова была очень требовательным руководителем отраслевой лаборатории. Она внимательно изучала наши отчеты, статьи, где была соавтором, хотя первым среди авторов всегда стоял тот сотрудник, который и писал статью.

Всегда модно одетая (например, она одной из первых преподавателей института стала носить брючные костюмы), с хорошей косметикой она прекрасно выглядела и в 80 и в 85 лет. Запомнился такой эпизод. Обычно Тамара Петровна всегда приглашала сотрудников лаборатории домой на день рождения. Эта была традиция. Но когда ей исполнилось 85 лет, мы решили сделать ей подарок - пригласить в ресторан, чтобы разгрузить ее от домашних забот. Л.И.Толстых и я накануне зашли в ресторан, сделали заказ, торт с надписью «85 лет!».

Приходим, нас человек семь и Тамара Петровна, модно одетая, с хорошим макияжем. Подходит официантка:

-Ну, хорошо, все собрались, а где же Ваша старушка?

За столом пауза... А затем весь персонал ресторана спешит посмотреть на удивитель-

ную юбилейную, а дирекция дарит ей цветы и шампанское!

Вообще, на кафедре с шестидесятых годов сложилась традиция отмечать четыре главных праздника страны: Новый год, Восьмое марта (иногда вместе с 23 Февраля), Первое мая и Седьмое ноября. Поскольку кафедра была очень большой, собирались по лабораториям, иногда приглашая кое-кого из соседей. В качестве основного крепкого напитка использовали так называемую «клюковку» - разбавленный до сорока градусов этиловый спирт, настоянный на толченой клюкве и затем отфильтрованный. Спирт в каждой химической лаборатории был в достаточном количестве, поэтому другие факультеты нам очень завидовали. Кроме того, спирт служил элементом платы за любую услугу — стеклодувам, слесарям и другим рабочим.

Техникой приготовления «клюковки» особенно славилась лаборатория А.Ф. Лунина. В девяностые годы, когда водка стала намного дешевле, «клюковка» исчезла со столов.

Поскольку число сотрудников и аспирантов в девяностые годы сильно сократилось, кафедра начала отмечать праздники уже всем коллективом, обычно в главном лабораторном практикуме.

Хорошим тамадой был П.С. Белов, он часто при этом читал собственные, кстати сказать, очень неплохие стихи. Его любимой фразой была: «Наш праздник продолжается!».

Иногда стихи читали и другие «штатные» поэты кафедры — В.А. Трофимов, И.А. Голубева, Л.И. Толстых. Постепенно сложилась новая система организации праздничного стола - каждый приносил то, что у него было в доме, мужчины, в основном, напитки, женщины - закуску. Скептики, опасавшиеся, что все принесут только одну колбасу, были посрамлены. После ухода П.С.Белова в 1994 г. я был назначен, а в 1995 г. избран по конкурсу зав. кафедрой. Сразу же пришлось столкнуться с рядом сложных проблем.

Очень острым в девяностые годы стал вопрос с нагрузкой преподавателей. В первых- и это было главным, резко сократилось число студентов на специальности: прекратилась подготовка на вечернем отделении, вместо трёх групп дневного отделения осталась одна, модуль группы сократился с 25 до 20 человек, кроме того, кафедра прекратила вести занятия на экономическом факультете. В итоге для большого педагогического коллектива нагрузка была явно недостаточна. Ректорат университета неоднократно указывал мне на это. На других кафедрах факультета ситуация сглаживалась в результате ухода преподавателей «среднего поколения» (40-50 лет) в коммерческие структуры. Нашу кафедру в это время покинул только один преподаватель (доцент Р.И.Фёдорова). Только организация в 1999 г. кафедры газохимии, ядро которой составили профессора нашей кафедры И.А.Голубева и И.Ф.Крылов, затем доц. Тонконогов Б.П. и Жагфаров Ф.Г., а также выход на пенсию профессоров С.В.Адельсон и Т.П.Вишняковой, позволил решить этот вопрос, хотя и не обош-

лось без взаимных обид, т.к. на новую кафедру переходить не хотел никто.

Преподавателей кафедры всегда отличал высокий уровень квалификации. В разные годы многие из них были отмечены правительственными и отраслевыми наградами. В последние годы профессорам О.П.Лыкову и С.А.Низовой было присвоено почётное звание «Заслуженный химик РФ».

Начиная с 1997 года, кафедра, оправдывая своё название, переориентировалась в основном на подготовку специалистов, а затем бакалавров, магистрантов и аспирантов по профилю нефтепромышленной химии, сохраняя при этом базовое направление подготовки по химической технологии органических веществ.

В 2005 г. заведующим кафедрой был избран д.х.н. Михаил Александрович Силин.

Силин М.А. – заведующий кафедрой технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, д.х.н., профессор, член-корр. РАЕН, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1978 г.

Просьба написать свои воспоминания к юбилею кафедры, если честно, привела меня в некоторое замешательство – что писать, в какой манере, что главное – нет у нас опыта со времен школы использования художественного слова.

Четыре года моего заведывания кафедрой, которая всегда была одной из самых сильных на факультете (мое мнение), обеспечила руководителями, преподавателями едва не половину факультета заставили меня пересмотреть многое. У меня изменилось отношение к учебному процессу, произошла переоценка многих ценностей, добавилось в жизни много людей, которые понимают меня, и я их тоже стал понимать, появился совершенно новый ракурс на факультет и на университет в целом. Поэтому возможность высказать некоторые мысли даже как-то радует.

Но начать нужно с начала.

В шестом классе школы, когда начинают преподавать химию, к нам пришла очень хорошая, хотя и несколько излишне строгая учительница, и т.к. классы были очень большими, то она выделяла нескольких наиболее старающихся учеников и далее им уделяла больше внимания чем другим. Я почему-то попал в число счастливых и старался из них не вылететь. Давалась химия мне довольно легко и вскоре я стал экспертом, подсказывал, давал списывать, с удовольствием делал уроки и пр. – получал радость от процесса и результата. Ну а после одного из сочинений под прозаическим названием «Кем ты хочешь стать», в котором я написал, что хочу стать химиком, как то об изменении этого решения никогда и не думал.

Закончил школу я в 1973 году, подал документы в МИНХ и ГП на ХТФ, на специальность «Технология переработки нефти и газа» и попал в гр. НТ-73-3. Тогда эта группа относилась к кафедре «масел». Вступительный экзамен по химии я сдавал Леониду Кузьмичу Мухину и даже помню вопросы, которые у меня были – про корунд, ароматические соединения и какой-то третий. Представляете, как я волновался, что через 37 лет помню билет. Большим вопросом был «русский язык», но сдал и поступил.

Учился я без особого блеска – и природная лень, и увлечения то программированием, то спортом, то работой (всегда не хватало денег) не способствовали отличной успеваемости. На третьем курсе наш преподаватель физхимии -Алла Сергеевна Казанская всех заставила решать курсовую работу на компьютере (тогда была доступна «Наири К»- размером с комнату и с оперативной памятью 64 Кб), и я так увлекся программированием, что через не-

сколько месяцев мне предложили работать инженером в вычислительном зале – я все равно там проводил все возможное время. Так что трудовая книжка у меня заведена в 1976 году, когда я уже работал как инженер, чем до сих пор горжусь.

В 1978 г. я институт закончил, поработал 1,5 года на московском НПЗ оператором, женился в 1979 г. и ездить в Капотню стало не удобно (работали по сменам, вечерняя смена заканчивалась в 24.00, пока сдашь смену, пока переоденешься, дойдешь до проходной – 2 км примерно – последний автобус и уйдет). В это время Владимир Дмитриевич Рябов искал инженера в свою лабораторию, и так случилось, что мне повезло в этот момент с ним переговорить - я ушел с завода и устроился в институт. Больше я наш ВУЗ, который за все это время сменил 4 названия, не покидал. Уезжал, правда, в Афганистан на два года, но уже как сотрудник института.

В 1980 г. заведующим кафедрой органической химии и химии нефти был Александр Федорович Лунин - человек очень энергичный, отличный организатор и ученый, к сожалению очень рано ушедший из жизни. Было несколько направлений исследований, несколько самостоятельных групп и был хороший коллектив, который объединялся во время различных субботников, праздников и т.д. Много было синтетических работ, работ по катализу, занимались внутрислоевым горением, сульфокислением, синтезом органических полупроводников и т.д.

Владимир Дмитриевич преподавал нам во время учебы «Химию нефти» и преподавал так, что я и мои друзья, с которыми встречаемся до сих пор, все в один голос говорят, что методика чтения лекций, контроля за усвоением знаний, проведение практикумов, применяемая В.Д. Рябовым, очень эффективна и заставляет заниматься с полной отдачей – лениться невозможно, проскочить случайно – невозможно – можно только выучить и честно сдать. То, что я попал в группу Владимира Дмитриевича – это мое везение и в человеческом плане, и в научном. Владимир Дмитриевич – уникальный человек, ученый, сильнейший педагог.

Мы начали с синтеза бис-фенола и я учился всему заново (через несколько лет после практикума по органике) - как перегнать под вакуумом, как вытянуть капилляр, как анализировать с помощью тонкослойной хроматографии или ГЖХ и т.д. В результате, мы через полгода подали заявку на изобретение, и это стало моей первой научной публикацией. Потом были работы по гидратации фенилацетилена, крекингу дифенилэтилена и трифенилэтилена, получению 9-метилфлюорена. Мне достался старый и надежный хроматограф – ЛХМ 8МД (думаю, у многих это название вызывает ностальгические воспоминания) – простой, надежный, позволявший и разобраться с его устройством и решать серьезные задачи. Мы все делали сами – и наносили неподвижную жидкую фазу на носитель, и набивали колонки, и ремонтировали генераторы водорода, и таскали баллоны с азотом.

Когда начали заниматься катализом на катионитах, то сами сделали установку, позволявшую регулировать давление, менять время контакта, температуру. Потом собрали установку для проведения реакций при высоких температурах – 500⁰С и выше. Это была довольно громоздкая, но универсальная установка. Тут конечно было не обойтись без помощи Рашида Магадова – моего ближайшего друга на долгие годы. У него всегда была в запасниках нихромовая проволока нужного сечения, стаканчик с углем для сваривания термопар, установка для перегонки технического спирта в спирт питьевого качества и т.д.

Кафедра жила полноценной жизнью – кипела научная работа, шел учебный процесс, праздновались праздники, работали на овощебазах, уборке картошки, субботниках и т.д.

В 1984 г. А.Ф.Лунин, после взрыва, произошедшего в лаборатории, был переведен с заведывания кафедрой на должность профессора, что им остро переживалось и заведующим кафедрой был избран Роберт Аветисович Караханов. Роберт Аветисович пришел из Академии наук, принес новые отношения, новые темы и новый стиль руководства.

В 1984 г я уехал в командировку в ДРА (Демократическая Республика Афганистан) в северный город – Мазари-Шариф. В стране шла война. Нам сразу выдали оружие – автоматы и пистолеты, и на ближайшие два года мы с ними не расставались – и на работу брали с собой, и на прогулку, не говоря уже про поездки в город или перемещения по стране.

А.Ф.Лунин со своей замечательной супругой – Леной тоже приехал в ДРА в это же время, правда в Кабул, и с этого момента мы начали активно общаться – переписываться, я стал летать в Кабул в командировки, т.к. проблемы у нас были похожие. Вернее это были не проблемы, а несоответствия – на наших кафедрах и в Кабульском политехническом институте и в Горно-нефтяном колледже в Мазари-Шарифе традиционно преподавались дисциплины по программе подготовки инженеров по переработке нефти, в то время как ни капли нефти в стране не добывалось. В тоже время добывался газ и рядом с нами - в 40 км от колледжа был построен завод по получению карбамида из метана.

Встречая активное сопротивление со стороны старослужащих преподавателей, мы перестроили программы под изучение технологий переработки метана и стали готовить специалистов для этого завода и промыслов газа в Шебергане. Помогло то, что это мы делали согласовано с Александром Федоровичем и его контакты в кабульских коридорах власти помогали быстро воплотить задуманное.

Мы стали ездить со студентами на практику на завод, где можно было не только посмотреть разобранные аппараты во время ремонта, но увидеть колонны для разделения азота и кислорода, побывать в операторной и посмотреть, как управляют процессами и т.д..

Не буду долго останавливаться на этой длительной и тяжелой командировке – это тема особая и требует отдельного рассказа. Поэтому перейду к жизни после Афгана.

В 1986 г., когда я вернулся после двухлетнего отсутствия, Роберт Аветисович уже полностью освоился на кафедре, и она была уже совсем не такой, какую я оставлял два года назад. Появилось много аспирантов, появились новые темы, новые связи с научными коллективами – МГУ, уфимские химики, академические институты – мы стали вариться в несколько другом научном бульоне и это здорово изменило кафедру.

Было принято решение, что я буду работать под руководством В.А.Винокурова и делать синтетическую работу под непосредственным руководством Ю.В.Поливина – нашего докторанта. Работа была синтетическая и была завершена защитой кандидатской в 1993 г. А за несколько лет до этого в 1988 г. была открыта всесоюзная программа по переработке кислых гудронов и наша кафедра стала соисполнителем на субподряде у Шебекинского ВНИИ ПАВ. Это был очень мощный институт со своим опытным производством и опытными цехами, рядом был еще и Шебекинский химзавод, т.е. наши коллеги имели хороший производственный опыт и опыт внедрения своих разработок, что нам в дальнейшем сильно помогло.

В 1988-89 гг. мы стали совместно пытаться поставить производство технических ПАВ на основе переработки кислых гудронов сначала на Константиновском маслозаводе, затем в Нижегороднефтеоргсинтезе (г.Кстово).

Кислый гудрон – это отход сернокислотной очистки масел, который получился в первый раз у Д.И Менделеева, и он стал родоначальником не только замечательных продуктов и таблиц, но и породил привычку сливать эти отходы в открытые всем ветрам пруды и накапливать их там. На 1990 г. на берегах Волги и в других местах России хранилось до 4.5 млн. тонн этой массы, представляющей собой смесь серной кислоты, сульфокислот, воды и природной грязи. Так до сих пор этот вопрос (переработки КГ) остается нерешенным.

1988- 90 гг. мы построили в Кстово на территории завода на установке регенерации серной кислоты небольшую установку и стали перерабатывать как прудовые гудроны (хранившиеся несколько лет в прудах), так и текущий гудрон с большим содержанием олеума. Мы брали неонол (оксиэтилированный алкилфенол) и при сильном перемешивании и активном охлаждении сульфировали его оставшимся олеумом. Полученную смесь нейтрализовывали, сульфэтоксилаты разбавляли растворителями для получения удобной товарной формы и отгружали нефтяникам. Все это делалось в рамках огромной научной программы, организованной Правительством, в которой участвовали многие научные коллективы, заводы, нефтяники и т.д., у каждого предприятия были свои задачи, и все шло достаточно организовано. Нужно отдать должное руководству страны, которое увязало такую махину проблем и на моей памяти – это последняя такая масштабная экологическая и технологическая программа.

Это было время перестройки. Появились первые кооперативы, появилась возмож-

ность частного предпринимательства и наиболее смелые кинулись в бизнес. В это время все-союзная программа потихоньку закончилась, но наша группа, получившая уникальный опыт и строительства производства на заводе, и отгрузки, и работы с нефтяниками (приходилось внедрять эти реагенты – разрабатывать рецептуры и технологии их использования) искала себе применения. Состоялся судьбоносный разговор с главным инженером завода – Степаном Ивановичем Глинчаком, когда мы (наивные) предложили ему забрать и нашу установку и нашу технологию, производить эти ПАВы и делиться с нами прибылью. На это Степан Иванович (Кстовский НПЗ перерабатывал около 20 млн.т нефти в год, а мы выпустили около 1 тыс. т на то время) ответил в свойственной ему интеллигентной манере, и мы пошли в указанном направлении, но в след он нам сказал, что если мы сами захотим выпускать ПАВы на его заводе, продавать их и отдавать ему половину прибыли, то он не будет против.

Этот разговор поставил перед нами дилемму – мы все сотрудники института (я к тому же был тогда замдекана), бизнесом никто не занимался, из активов – моя афганская «копейка» и пять авторучек (если не учитывать интеллект). Долго сидели, думали, но 16 января 1991 г. получили документы на Научно-производственное внедренческое малое предприятие «Химеко» с учредителями – Магадов Р.С., Гаевой Е.Г., Караханов Р.А., Рудь М.И. и ваш покорный слуга, и через несколько дней поехали в Кстово подписывать исторический договор. Договор давал нам право производить реагенты на заводе на своей установке (мы ее вскоре выкупили у ВНИИПАВ), отгружать продукцию и рассчитываться после получения денег от заказчика. Это конечно тепличные условия, которые позволили нам встать на ноги и окрепнуть. Нужно сказать, что с заводом у меня связаны самые приятные воспоминания – там осталось много друзей и Стариков В.Г., бывший директором завода, и Глинчак С.И. – главный инженер, Шабалин И.Н. – начальник цеха, Шаманин В.И. – механик цеха и многие другие заводчане, всегда помогавшие нам во всех вопросах.

Мы начинали с производства двух ПАВ – «Нефтенола Н» и «Нефтенола В», позволявших получить кислотный мицеллярный раствор и значительно повысить эффективность кислотных обработок. Параллельно, прямо на прудах стали производить «Нефтенол ВП» - нейтрализованный прудовый кислый гудрон, который правда не нашел широкого применения. Прудовый гудрон все-таки был сложной системой, т.к. иногда стоял в прудах под дождем и снегом десятки лет, но тем не менее мы гордимся тем, что переработали больше, чем все остальные компании именно в квалифицированные продукты, а не просто закопали.

Параллельно нужно было налаживать отношения с нефтяниками. Первым предприятием, бравшим у нас реагенты, был «Ноябрьскнефтегаз», и мы старались не терять с ними отношений. В то время главным инженером был замечательный специалист и человек – В.Н.Шевченко, с которым у меня состоялся еще один судьбоносный разговор. Я предложил

Вячеславу Николаевичу профинансировать создание нового реагента, который будет интересней, чем тот, что они применяют. Он мне ответил так – я охотно оплачу тебе цистерну твоего продукта, а сколько ты нальешь туда своей науки – твое дело, но оплачивать науку не буду – зачем мне она нужна.

Действительно – в таких прикладных проектах как производство реагентов гораздо выгоднее тиражировать свои разработки в виде продукции, а результат твоего научного труда должен принадлежать тебе. Да он просто никому и не нужен – потребителю нужен твой продукт, а не твоя наука. Тиражируй на здоровье. С трудом представляю, что можно отдать свое изобретение в чьи-то руки. Никому, кроме тебя оно не нужно – только тебе, как твой ребенок, так и твое изобретение. Никто как ты не будет о нем заботиться, думать, бороться, преодолевать трудности т.д. Только конкуренты могут позариться на него, чтобы обойти тебя на повороте. С тех пор мы стараемся брать научные заказы только через Институт (Университет) и только на исследования продуктов, кернов, но не на разработку реагентов и технологий – это финансируем сами.

Следующим продуктом был знаменитый эмульгатор обратных эмульсий – «Нефтенол НЗ». История его создания такова. Главный технолог ноябрьского Управления по повышению нефтеотдачи пласта и кап. ремонта скважин – Дмитрий Юрьевич Крянев (сейчас д.т.н. и директор ВНИИНефть, что доказывает полезность сотрудничества с нашим Университетом) предложил подумать над проблемой получения товарной формы широко применяемого эмульгатора под названием «Эмультал». Мы стали пробовать имеющиеся под рукой растворители и, наконец, нащупали интересный растворитель – побочный продукт производства жидких парафинов, являющийся компонентом арктического дизтоплива. Он позволил снизить концентрацию активной основы эмульгатора в несколько раз и сделать очень удобную товарную форму с температурой замерзания ниже -40°C .

Мы произвели этого продукта несколько десятков тысяч тонн, а уж сколько сделано и закачено в пласты обратной эмульсии и в качестве системы для выравнивания профиля приемистости, и как жидкость глушения, и для других технологий даже посчитать не могу.

Вообще обратные эмульсии являются для нашего Университета визитной карточкой – задолго до нас уже помянутый добрым словом Л.К.Мухин, О.К.Ангелопуло и другие сотрудники разработали буровой раствор на основе обратной эмульсии и даже получили Премию правительства за ее внедрение. Вязкость обратной эмульсии растет при повышении температуры, что позволяет ее легко закачать в пласт, где она и станет более вязкой. Кроме того, в дальнейших исследованиях совместно с уфимскими учеными мы показали, что она легче блокирует высокопроницаемые пропластки, чем низкопроницаемые – этот эффект труднообъясним, но он наблюдается. Кроме того, обратные эмульсии селективно тампонируют

водонасыщенные пропластки, что также очень важно для ПНП. А изобретено применение эмульсий было от нашей бедности – весь мир для перераспределения потоков воды в нагнетательной скважине качал растворы полиакриламида, а т.к. у нас он не производился, да и не производится, то российские ученые искали ему дешевую и доступную замену. Вот так рождаются изобретения.

Вообще много идей изобретений было привезено из нефтяных регионов. Многочисленные командировки в Западную Сибирь, Коми, Урало-Поволжье, знакомства со специалистами нефтяниками – это основа нашего бизнеса. Трудно было поначалу говорить с ними на одном языке – я химик, они разработчики. Как известно, разработчики учат химию в нашем (для примера) Университете не очень сложную, с реагентами их знакомят также разработчики в курсах по специальности, поэтому находить общий язык было сложно. С другой стороны, химиков вообще проблемам разработчиков, буровиков, специалистов по подготовке нефти, коррозионистов (механиков) также не учат совсем. Т.е. отсутствует междисциплинарная связь химик - разработчик, химик - механик, а ведь именно на стыке рождаются интересные задачи.

Пришлось сесть за книги, мучить своих друзей расспросами, знакомиться с технологиями по «промышленной химии» на производстве, привлекать специалистов в этих областях и т.д. Ну и конечно зрела мысль, что потребность в такого рода специалистах имеется.

Коллектив «Химеко» рос. Базировались мы сначала в одной комнате, которую с самого начала арендовали, потом стали арендовать офисные помещения в третьем корпусе, обросли всеми атрибутами фирмы – отделами, службами и т.д. С Университетом все эти годы заключаем договора на научные исследования, которые нам нужны; все сотрудники – это штатные сотрудники Университета, а в «Химеко» - все совместители. Вообще относимся к отношениям с Университетом щепетильно – мы единственная компания, созданная с участием университета, которая платит дивиденды, чем я горжусь.

Появлялись новые интересные продукты и технологии. Нам конечно, как химикам, удобней было бы просто продавать реагенты, но производство требовало сначала авторского сопровождения продукта, а потом вообще были поставлены условия проведения самих технологических работ – зачем нам рисковать (рассуждали производственники) – если вы уверены в своей химии и технологиях – возьмите скважины, обработайте, получите результат, и тогда мы вам заплатим. Это конечно сильно осложнило нам жизнь с одной стороны – пробег денег начинается в научной лаборатории, потом производство продукции, потом закачки (обработка скважин), и только через несколько месяцев деньги тебе вернутся. Конечно прибыль больше, но и твои проблемы больше - где взять денег на такой срок? Сейчас все занимают короткими проектами – никто не хочет инвестировать в длительный процесс да еще с

риском.

Вообще разработка технологий вещь непростая – вы должны знать не только, как ваша композиция подействует на пласт (нужны исследования на керне), но какие вторичные реакции, какое скважинное оборудование, как приготовить состав на скважине, как и чем закачать, какие давления, расходы и пр. Понадобились специалисты, владеющие этими знаниями, которые затем обучили наших сотрудников – опять вставал вопрос о «Промысловой химии» как учебной дисциплине - формулировался набор компетенций, которыми должен обладать специалист данной специальности.

Долгие годы я оставался сотрудником кафедры органической химии и химии нефти и сейчас, конечно, считаю ее родной. Мне посчастливилось работать с замечательными людьми – В.И.Келаревым, который внес самый значительный вклад в написание и защиту мной докторской диссертации, Л.Г.Ачкасовой – моей преподавательницы еще в институтские годы, Н.И.Соковой, А.А.Щербаковым и многими другими.

Рано ушел из жизни Роберт Аветисович Караханов – прекрасный заведующий кафедрой, благодаря которому очень многие наши сотрудники сделали и защитили диссертации; прекрасный педагог, вокруг которого было всегда много учеников; прекрасный человек – с великолепным чувством юмора, могущим мгновенно завоевать симпатии людей.

Несколько лет я имел счастье работать с Александром Федоровичем Луниным в качестве его зама, когда вскоре после командировки в Афганистан он был назначен деканом факультета. Другого человека такой энергии и такой широты я не знаю. Он вернулся с орденом за работу в ДРА, полный сил и энергии, и вселял ее во всех вокруг – создал с нуля кафедру, переименовал и реформировал факультет и еще много бы сделал, если бы не болезнь.

Не могу не сказать про своего близкого друга – В.Н.Кошелева. У нас за спиной многие тысячи километров поездок, многие часы проведены и за работой, и на охоте (рыбалке), много переговорено и пережито. Особая роль Володи в моей защите докторской диссертации, когда я засомневался в ее целесообразности – именно он практически заставил меня ее защитить.

Серьезной вехой в развитии нашего коллектива стал приход в Университет очень сильной команды под руководством Л.А.Магадовой. Мы долгие годы работали вместе, сотрудничали (они работали во ВНИИНефти), занимались реагентами для гидроразрыва пласта и мы делили обязанности: мы синтезировали компоненты – они исследовали на технологические свойства. Благодаря нашему сотрудничеству и были созданы российские реагенты для ГРП, остающиеся до сих пор единственными отечественными.

Тандем Рашида и Любы (пардон –Любови Абдулаевны) был совершенно сумасшед-

шим – Раш как химик, Люба как технолог рождали кучу открытий, за которыми, правда, часто следовали закрытия, но оставшихся незакрытыми было много и они – основа нашей экономики.

Нелепая смерть Рашида до сих пор, наверное, самая большая потеря после смерти родителей.

Долго можно рассказывать про историю создания наших реагентов и технологий. Причем, как правило, каждая история своеобразна и не повторяется. Одного алгоритма нет. У реагента есть период рождения, взросления, рассвета и угасания. Угасание может быть связано не только с падением спроса, но и с приходом большого количества конкурентов (а какая-то часть из них будет недобросовестными и конкурировать ты с ними не сможешь). Вывод простой – делай продукты наукоемкими, и тогда конкурировать с тобой сможет только сильный противник. Вот химия ГРП – яркий пример. Чтобы нас догнать, нужны и специалисты, и приборы, и традиции и т.д.

Сейчас мы производим химию для ГРП, жидкости глушения, кислоты, ПАВ в широком ассортименте, реагенты для ремонтно-изоляционных работ, буровую химию, промывочные жидкости, проводим много работ на скважинах. Все развитие держится не только на желании заработать, хотя не вижу в нем ничего постыдного (деньги это оценка твоего труда и старания – некое общее мерило), но в большей степени на равнодушии сотрудников, их любознательности, неуспокоенности. Я всегда, принимая молодого сотрудника на работу, предупреждаю – если не будешь всех доставать своими вопросами, а будешь инертным, равнодушным, то в нашей команде ты не приживешься.

В 2001 году мы большим коллективом, включая кафедру Органической химии и химии нефти, ТХВ, кафедру Разработки вышли на Альберта Ильича Владимировича с предложением объединить научные коллективы специалистов, занимающихся промышленной химией в Институт промышленной химии, который был утвержден на ближайшем Ученом Совете Университета и прекрасно существует до сих пор.

Второй вопрос, решенный на этом же совете – это выдвижение нашего коллектива из 11-ти человек на Премию Правительства в области науки и техники. Произошло это несколько неожиданно – как всегда внезапно вызвал Альберт Ильич и предложил подать работу на этот конкурс. Мы с энтузиазмом взялись – включили в коллектив специалистов ОАО «Пурнефтеотдача», ОАО «Космос-нефть-газ» и ОАО «Ритек» в лице одного из самых авторитетных нефтяников страны – Валерия Исаковича Грайфера. Защита работы проходила в несколько этапов и в нескольких городах и аудиториях, но мы везде принимались хорошо, т.к. защищали российскую технологию, созданную несколькими коллективами, прошедшую путь от научной идеи до промышленного применения и спокойно конкурирующую с запад-

ными. Потом было долгое ожидание и, наконец, публикация в газете и вручение премии в Белом доме.

В 2005 году я был ведущим научным сотрудником, преподавал немного, руководил фирмой и не предполагал, что что-то кардинально изменится. 9-го марта неожиданно вызвал Альберт Ильич (опять неожиданно) и предложил возглавить кафедру ТХВ. Конечно, для любого человека такое предложение лестно, и я был им горд, но очень многое в моей жизни менялось – я давно не был серьезно привязан к учебному процессу, да и понимал в нем совсем немного; коллектив кафедры знал недостаточно хорошо, а коллектив этот состоял из людей, которые меня учили, либо из людей с самым высоким авторитетом в моем понимании. Дать ответ нужно было быстро – я посоветовался со своими друзьями - все они одобрили решение, оно состоялось. Нужно было еще защитить докторскую, что и было сделано при деятельной поддержке большого количества друзей в июне, а в декабре Альберт Ильич провел представление на кафедре. Я жутко волновался, плохо помню, что говорил, да и что можно сказать, не проработав еще ни минуты на кафедре. Коллектив проголосовал единогласно, и началась новая жизнь.

С чего начать? За что ни возьмись, требуется обновление, ремонт, переоснащение и это не потому, что сотрудники недостаточно эффективно работали, а потому, что государственная политика в области науки и образования буксует – нет правильного определения потребности в специалистах – поэтому где-то (в частности в нефтехимическом синтезе) перебор, а где-то (например, в освоении шельфа) вообще никого. Нет финансирования науки – бывая в западных университетах, я жутко завидую их тепличным условиям в области финансирования науки.

Кафедра нефтехимического синтеза (НХС) была создана в 1960 г – в период расцвета советской нефтехимии – период самого бурного строительства заводов. Сейчас практически не строится новых нефтехимических мощностей, а специалистов выпускается с переизбытком примерно в 5 раз. Большинство ВУЗов их выпускающих расположены в местах расположения этих заводов, а в Москве такого производства нет, но два ВУЗа конкурента есть. Так что решение руководства о перепрофилировании кафедры на реагенты для нефтяной и газовой промышленности, которое произошло еще в 1995 году, было, несомненно, правильным и своевременным. За десять лет, прошедших с момента принятия этого решения, кафедра значительно изменила и учебные планы, и набор дисциплин, да и сделать это было не так уж трудно – ведь промысловая химия есть ни что иное как продукт еще одного этапа переработки нефтехимической продукции; поэтому очень логично было показать всю технологическую цепочку – переработку нефти, нефтехимию и затем промысловую химию. Конечно, нужно добавить еще дисциплины, связанные с применением, и физику пласта (правда нам

нужна несколько другой ракурс во взгляде на этот предмет – какие физико-химические процессы идут в пласте, что изменится от применения реагентов и т.д.), и оборудование и технологии и т.д.

Вот с такими мыслями мы и начали работу. Параллельно шел ремонт кафедры – и кабинетов преподавателей, и лабораторий. Оборудование частично вывозилось на завод в ремонт, что-то менялось. Под многослойным линолеумом почти везде находили залежи ртути, накопленной за долгие годы, все выламывалось до бетона и делалось заново. Я благодарен за понимание своим соучредителям «Химеко-ГАНГ», позволившим мне решить эту проблему. Я видел в нескольких западных ВУЗах, как они относятся к своему здоровью – никогда компьютер не будет стоять в химической лаборатории, и научного сотрудника не увидишь без защитных очков или курящего под тягой. Мы же привыкли не думать о своем здоровье – даже кабинеты профессоров были оборудованы как химлаборатории и в них хранились горы реагентов. Пришлось с этим бороться. Убеждать людей, что они ценнее всех научных ценностей.

Огромную помощь оказал Альберт Ильич, когда в рамках инновационной программы дал нам возможность переоснастить лаборатории и создать уже современный центр промышленной химии. Конечно таких денег ни «Химеко», ни какой-либо спонсор себе позволить бы не смогли. Мы перевели на кафедру достаточно много сотрудников с «органики», набрали молодежь.

Я очень благодарен всем членам кафедры, которые меня приняли, пережили этот бурный период ремонта и переоснащения и приняли все изменения, которые мы произвели в учебных программах. Может быть мне было и легче, что я до выборов на эту должность, не работал на кафедре, поэтому на все смотрел свежим взглядом.

Конечно, невозможно было обойтись без помощи Олега Петровича Лыкова. По разному можно было воспринять мой приход, но врожденная интеллигентность Олега Петровича, интеллект и огромный опыт, которые он использовал только мне на помощь, позволили мне работать и работать легко, опираясь на его надежное плечо.

Светлана Алексеевна Низова, обладая и колоссальным опытом и порядочностью высшей пробы, проявляет чудеса героизма и трудоспособности и в работе со студентами и аспирантами, и в методической работе. Она является экспертом в области реагентов для бурения и много преподает и в УИЦ и на кафедре.

Перейдя работать в ректорат, я сейчас преступно мало внимания уделяю кафедре, и все учебные дела взяла на себя Лариса Ивановна Толстых, и они у нее в полном порядке. Не знаю более честного и принципиального преподавателя и человека.

Не буду продолжать этот панегирик – ко всем отношусь хорошо, ни от кого не полу-

чал ничего плохого. Я уже говорил, что кафедра в прошлом была очень большая и очень сильная, поэтому преподаватели кафедры все личности, с огромным опытом работы - и научным, и педагогическим. И моя задача только направить их энергию в нужном направлении, да и его (направление) необходимо с ними обсудить, а дальше все идет, как по писаному.

Научной частью и на кафедре и в «Химеко» руководит Л.А.Магадова. Она - первый доктор наук, защитившийся за эти годы и, конечно, специалист «от Бога». Мы много ездили в командировки, на конференции, презентации и т.д., и мне всегда приятно, когда лица специалистов меняются от выражения недоверия (Ну что женщина может знать!) до полного уважения и восхищения, потому что знает она часто больше их. Ее легко можно увидеть и на скважине во время какого-нибудь ответственного ГРП, и в лаборатории с руками выпачканными нефтью, и с указкой в аудитории. Молодец!

Сейчас мы начали активно окупать ту аппаратуру, которую закупил Университет в рамках инновационной программы. Это оборудование потребовало неожиданно долгой отладки, но сейчас нет отбоя от заказов, и это радует.

Мы продолжаем разрабатывать новые реагенты и технологии – сейчас самый разгар внедрения технологии БТРУО, направленной на повышение эффективности РИР. Разработан новый, привязанный к новому оборудованию комплекс гелирующий для ГРП, и постоянно идут и разработка новых идей, и совершенствование применяемых технологий.

Конечно, все не так благостно и совершенно. Нет учебников – ни по «Промысловой химии», ни по некоторым предметам, которые мы ввели. Хочется (может быть в рамках НИУ) создать лабораторию по синтезу ингибиторов коррозии – такой в Университете нет; лабораторию дезмульгаторов – по этому поводу вроде бы договорились с ОАО «Сибур» - откроем отраслевую лабораторию. Давняя мечта создать аналитическую лабораторию – ни на одной кафедре Университета нет приборов по определению состава и строения органических соединений, и есть еще много других проектов.

Ну а если есть мечты, то, значит, будем жить!

Низова С.А. – д.х.н., профессор кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, Заслуженный химик РФ, выпускница МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1960 г.

В 1960г. Ярослав Михайлович Паушкин – профессор, доктор технических наук был избран заведующим кафедрой нефтехимического синтеза, только что организованной на химико-технологическом факультете Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина.

К этому времени, несмотря на свой достаточно молодой возраст (47 лет), он имел большой педагогический опыт работы, написал несколько фундаментальных монографий, и был известен как крупный ученый в области ракетных и реактивных топлив и химии нефти.

Мое знакомство с Ярославом Михайловичем состоялось на 4-ом курсе, он читал нашему потоку лекции по химии нефти. На одной из лекций, войдя в аудиторию, Ярослав Михайлович увидел взбудораженных студентов, продолжавших после перерыва обсуждать объявление деканата о субботнике. Ко мне обращались однокурсники с вопросами, затем комментировали услышанное, и Ярослав Михайлович не мог дождаться тишины, чтобы продолжать лекцию. Тогда он сказал: «Вот Вы, староста, покиньте аудиторию». Я извинилась и пыталась объяснить, почему был шум, на что Ярослав Михайлович ответил: «Вы не хотите выходить, тогда выйду я». В аудитории сразу воцарилась тишина. Конечно, я вышла, но было очень обидно – меня никогда не выставляли из класса, аудитории и я не любила пропускать лекции. Но такое решение лектора было действенным. На следующих лекциях все затихало, как только Ярослав Михайлович заходил в аудиторию.

Затем встреча с Ярославом Михайловичем состоялась через год – на 5-ом курсе. Экспериментальную часть дипломного проекта я выполняла под руководством профессора Екатерины Владимировны Смидович по теме: «Пиролиз пропана». Весна 1960 года была ранняя, солнечная, очень теплая. К концу рабочего дня в лаборатории становилось душно, приходилось открывать дверь в прохладный коридор. К этому времени завершался очередной «пробег» на установке и после охлаждения из металлического трубчатого реактора необходимо было выгрузить образовавшиеся на его стенках коксовые отложения. Со стороны, вероятно, вид был забавный: девушка в белом халате тщательно извлекает из метровой трубки и по крупинкам собирает нечто черное на листе ватмана. Проходя по коридору Ярослав Михайлович несколько раз видел меня за этой работой и однажды зашел в лабораторию и поинтересовался, чем это я с таким увлечением занимаюсь. Я рассказала, что для составле-

ния материального баланса пиролиза собираю продукты уплотнения. Ярослав Михайлович спросил, знаю ли я, какую роль играет процесс пиролиза в развивающейся нефтехимической промышленности. К этому времени я как раз закончила литературный обзор по пиролизу, поэтому уверенно и довольно полно ответила на вопрос Ярослава Михайловича, после чего он сказал: «Это хорошо, что помимо экспериментальной работы Вы читаете литературу по теме диплома. Я слышал, Вас рекомендуют в аспирантуру – приходите к нам, кафедра у нас молодая и нам нужна молодежь». Я попросила время на размышление. «Ну что же, подумайте, только не долго», - сказал Ярослав Михайлович. Примерно через неделю, взвесив все варианты, я выбрала кафедру нефтехимического синтеза, как оказалось потом, на всю жизнь.

Через два года на кафедре сформировался замечательный молодежный коллектив аспирантов, сотрудников, работой которых руководили проф. Я.М. Паушкин, академик Арм. Академии наук проф. В.И. Исагулянц, доц. Т.П. Вишнякова, доц. С.В. Адельсон.

Нас, работавших непосредственно с Ярославом Михайловичем, поражала не только широта и глубина его знаний, но и постоянное стремление к самообразованию, накоплению новых знаний, их анализу, и наконец, способность к генерированию – синтезу смелых неординарных идей, научная новизна которых была бесспорна.

Хочу отметить два качества незаурядной личности Паушкина Ярослава Михайловича: его умение работать с аспирантами, молодыми преподавателями и человеческое участие в их судьбе.

Почти каждый день Ярослав Михайлович находил время обсудить с нами результаты выполненной работы, удерживая в памяти уже накопленные данные, предлагая план дальнейших исследований, высоко оценивая инициативу, предложения, пусть даже небольшие идеи своих учеников. Чувствуя постоянное внимание шефа (так с почтением и любовью называли мы своего руководителя), каждому из нас хотелось работать еще больше, еще лучше.

Ярослав Михайлович рекомендовал нам не замыкаться в рамках своей лаборатории, помогал организовывать сотрудничество с учеными академических и отраслевых институтов, участвовать в работе различных семинаров и конференций, выступать с докладами, стремиться к постоянной работе с промышленными предприятиями, изучать новые технологии на заводах.

Особое внимание уделял Ярослав Михайлович публикациям полученных результатов в отечественных и зарубежных журналах. Он требовал от нас непрерывного изучения научно-технических периодических изданий. Очень серьезно, неформально относился к приему экзамена кандидатского минимума по дисциплине специальности. Одних он заставлял конспектировать отдельные главы учебника, с другими проводил собеседования.

Ярослав Михайлович работал с удовольствием, отпуск он считал лучшим временем

для осмысления полученных результатов исследовательской работы, написания статей, монографий, учебников, изучения новинок литературы.

Ярослав Михайлович активно привлекал нас ко всем видам учебной, учебно-методической и научной работы на кафедре. Помню, получив сигнальный экземпляр своей книги «Нефтехимический синтез в промышленности», он предложил мне, начинающему преподавателю, «вычитать» несколько глав. Я с энтузиазмом принялась за работу: находила опечатки, редакционные неточности, даже позволила себе высказать критические замечания относительно структуры одного из разделов. Позднее я поняла, что Ярослав Михайлович привлек меня к работе не столько ради помощи ему, сколько ради меня самой – и предмет глубже изучила, и азы написания учебника постигла.

Не помню, чтобы Ярослав Михайлович когда-либо повышал голос, громко негодовал, но тихим голосом мог сказать жесткие слова при оценке работы своих учеников. Однако уже на следующий день приходил в лабораторию и говорил: «Не обижайтесь. Что значит наш спор по сравнению с мировыми проблемами». Ярослав Михайлович отличался душевной добротой, внимательным отношением к людям. Запомнилось как, «прорабатывая» нерадивых студентов, мы – молодое поколение преподавателей, предлагали различные меры воздействия, вплоть до исключения из института. Ярослав Михайлович обычно говорил: «Давайте дадим еще один шанс исправиться, они ведь молодые и не понимают всей серьезности положения; жалко родителей, которые столько вложили в них труда, средств, здоровья, ведь так сложно поступить в институт и вдруг – исключение». Поэтому отчисляли только в крайних безнадежных случаях.

Ярослав Михайлович был человеком открытым к общению, всегда стремился поддержать своих учеников и коллег советом, добрым словом, участием, конкретной помощью. Помню, в трудные периоды моей жизни, болезни близких мне людей, Ярослав Михайлович неоднократно звонил, успокаивал, рассказывал об известных ему аналогичных случаях, давал советы.

В 1970 году Ярослав Михайлович Паушкин был избран академиком Академии наук Белорусской ССР. Работая в Минске и после возвращения в Москву, он регулярно посещал кафедру, живо интересовался нашей жизнью и работой, активно занимался научными исследованиями, но с другими коллегами и коллективами.

Я бесконечно благодарна за доброе отношение, за все, чему научилась у Ярослава Михайловича, за те одиннадцать лет, которые работала под его руководством.

Голубева И. А. - д.х.н., профессор кафедры газохимии, выпускница МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1960 г.

Мне посчастливилось учиться в первой группе НХС, сформированной из студентов 3-го курса химико-технологического факультета института нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина в 1960 году, соответственно быть в числе первых выпускников кафедры в 1962 году. А если уж набраться нахальства, то я могла бы себя провозгласить первой выпускницей кафедры НХС, так как защищала диплом первой на первом ГЭЖе, а при распределении была первой в списке, потому что имела самый высокий средний балл на курсе. Мне очень повезло в жизни, что после окончания института, мне дали возможность поступить в аспирантуру на кафедру, а после ее окончания оставили работать на кафедре. Нужно сказать, что наш зав. кафедрой Ярослав Михайлович Паушкин жестко отбирал кандидатуры для преподавательского состава, поэтому коллектив кафедры был очень квалифицированный, многие преподаватели с красными дипломами, наукой начинали заниматься еще в студенческом научном обществе, а главное все наши преподаватели были людьми неравнодушными, увлеченными работой и высокопорядочными, это были личности. Поэтому атмосфера на кафедре всегда была творческой, живой, доброжелательной, кафедра была для всех нас вторым домом, где нам было очень интересно работать; между нами, возможно, было и здоровое соперничество, но не было зависти или подсиживания. Многого можно было бы рассказать об истории кафедры, свидетелем которой мне пришлось быть многие годы. Но не хочется утомлять читателей таким длинным рассказом, поэтому отдам предпочтение нескольким отрывочным воспоминаниям, которые сохранились в памяти.

Как мы вместе отдыхали

Мы не только вместе дружно работали, но часто вместе отмечали дни рождения, защиты диссертаций, праздники. Так как большинство преподавателей были молодыми, примерно одного возраста, все они с небольшим отрывом друг от друга защищали кандидатские диссертации, заканчивающиеся банкетом в ресторане, чаще всего в ресторане «Кристалл» (затем «Гавана», ныне «Фараон»). В те годы цены там были доступными каждому – затратив по 5 руб. на гостя, можно было иметь замечательный стол. А я свой банкет по этому поводу устроила в ресторане Гранд Отель, это была старинная пристройка к гостинице Москва, которую снесли уже очень давно. Зал был прекрасный, гости сидели в кожаных креслах, в углах были огромные напольные старинные вазы. Моим научным руководителем была Тамара Петровна Вишнякова. Когда она собралась уходить, я ей преподнесла цветы, а она шутя за-

метила – к цветам неплохо бы и вазу. И вдруг мой муж вместе еще с кем-то из мужчин схватили одну из этих напольных ваз и потащили ее к Тамаре Петровне. Потом со смехом поставили ее на место, а я после этого с ужасом думала: «Что было бы, если бы они ее разбили, я не смогла бы наверное за нее расплатиться никогда».

Некоторые празднества мы устраивали непосредственно на кафедре. Я помню юбилей Ярослава Михайловича Паушкина, который мы отмечали накануне праздника - 7 ноября. Накрыли прекрасный стол, было даже сварено ведро кофе, которое мы потом употребили с мороженым в виде кофе-гляссе. Помню и стихи, которые мы посвятили нашему зав.кафедрой:

*В день холодный и осенний
Вы хотите ль не хотите
В славный день Ваш юбилейный
Вас поздравить разрешите.*

*Мы сегодня, так случилось,
Отмечаем два события
Нам приятно совместить их
И собравшись дружно выпить.*

*Этот маленький приемник
Наш подарок очень скромный
На германии он сделан, на германии всего лишь.
Но растут ученики, молодые смельчаки
Синтезируют они новые полупроводники.*

*И тогда в такой же день,
День холодный и осенний
Мы подарим Вам другой,
Сделанный своей рукой.
Место в нем свое займет
Органический триод.*

Дело в том, что Я.М. Паушкин, а следовательно и все мы были увлечены синтезом полимеров, обладающих полупроводниковыми свойствами. Качество стихов, конечно, не ахти какое, но мы их сочиняли по любому поводу, несмотря на то, что Олег Лыков, например, не раз говорил мне: «Ваши стихи на уровне тех, что пишет моя дочка-школьница».

И последнее про наши застолья. Кафедра росла, в ней было несколько отраслевых лабораторий, и мы уже не могли вместиться ни в одной из комнат. И мы отмечали различные праздники в коридоре, в закутке, где студенческий практикум. Скоро мы поняли, что организация таких столов довольно хлопотная и требует много времени, поэтому на ура было принято мое предложение – каждый на это празднество приносит приготовленное им какое-

нибудь блюдо на его усмотрение, а кто не способен на это, покупает выпивку или фрукты. Столы стали еще лучше, чем прежде, мы даже устраивали конкурсы на лучшее блюдо с призами. Были и выступления в виде номеров художественной самодеятельности от отраслевых лабораторий или отдельных комнат. Часто своими хорошими, не в пример нашим, стихами, радовал нас Виктор Трофимов.

Много было и других совместных празднеств и в общежитии, где жили наши иногородние и зарубежные аспиранты, и на природе, за городом. Одним словом, мы умели не только много работать, но и весело отдыхать, и нам было очень интересно такое общение друг с другом.

Несколько несурзных и смешных историй.

Как-то, когда мы успешно внедрили одну нашу разработку, я спросила Т.П. Вишнякову: «Что бы Вы предпочли, большую денежную премию за это или грамоту и первое место кафедры по итогам соцсоревнования?». Конечно второе, не колеблясь, ответила Тамара Петровна, и я была с ней абсолютно согласна. Такими мы были в то время, это сейчас справедливо замечают – благодарность без премии равносильна выговору.

Мой сокурсник Коля Марьяшкин, человек талантливый, но довольно оригинальный, будучи аспирантом нашей кафедры однажды во время пожара хотел зачем-то подняться выше этажом, и был остановлен тогдашним ректором В.Н. Виноградовым. Не зная, кто это, Марьяшкин послал его матом, и просто чудом избежал исключения из аспирантуры. Начальство нужно знать в лицо. А как-то он позвонил Т.П.Вишняковой и сказал ей, что она украла у него пальто. И объяснил ей причину такого обвинения – Паушкин зачислил его на полставки, так как Коля переводил ему доклады на английский язык, а Вишнякова запретила это, считая, как научный руководитель, что это мешает его экспериментальной работе, и поэтому лишила его заработка, на который можно было купить пальто.

В наше время были не только кураторы, но и учебно-воспитательная комиссия кафедры, которая на свои регулярные заседания вызывала отстающих студентов. На нашей кафедре эти заседания длились очень долго, в основном благодаря Светлане Низовой, которая, пытаясь выяснить причину отставания студента, задавала примерно такие вопросы: «Может быть Вы болели? А может быть болели Ваши родители? А бабушка как себя чувствует? Возможно у Вас не сложились отношения с преподавателем? А может быть Вы много времени тратите на занятия спортом?» И так далее в таком же роде. И только получив отрицательные ответы на все эти вопросы, она советовала ему, что надо делать, чтобы ликвидировать задолженности.

Пожар.

В первые годы работы на кафедре мы, к сожалению, мало внимания обращали на технику безопасности, без тяги, на лабораторном столе работали со многими токсичными и пожароопасными растворителями, часто опыты проводили с открытой горелкой. И вот однажды в лаборатории №720 с полки на лабораторный стол упала небольшая склянка с ацетоном, на столе была зажженная горелка, и произошло возгорание. Огонь довольно быстро погасили, но совершили страшную ошибку. Чтобы проветрить помещение, все вышли из комнаты, предварительно открыв настежь окно. Но оказалось, что небольшое количество ацетона пролилось за стол и горело, открытое окно усилило огонь, он быстро распространился и достиг легковоспламеняющихся жидкостей, которые стояли на столе и на полке над ним. Когда через короткое время заглянули в комнату, увидели довольно сильное пламя, которое не удавалось погасить ни кошмой, ни песком, ни даже огнетушителем. Вызвали пожарную команду, к их приезду огонь полыхал вовсю. Кто-то предупредил пожарников, что нельзя гасить огонь водой, так как в комнате большой ящик с натрием, это замедлило работу пожарных. Мы еле сдержали одну болгарскую аспирантку, которая рвалась в комнату, так как там были важные записи по ее диссертационной работе. В конечном счете для борьбы с пожаром были задействованы около 20 пожарных машин во главе с начальником, который приехал на красной «чайке». Мы страшно боялись, что огонь перекинется в соседнюю комнату, которая была препаратурской кафедры – в ней было много химреактивов, в том числе и горючих. Пожар погасили, но в комнате выгорело все, включая мебель, оконные рамы, облицовку стен. На следующий день радиостанция «Голос Америки» передала: «В Москве горел Нефтяной колледж».

Несколько слов о двух наших выдающихся заведующих

Хочу сказать несколько слов о двух очень ярких, незаурядных заведующих нашей кафедрой – ее основателе Паушкине Ярославе Михайловиче и о Лунине Александре Федоровиче.

Я.М. Паушкин был из породы генераторов идей. Уезжая в отпуск, он брал всегда с собой чемодан, более чем наполовину заполненный научными книгами, после отпуска он приходил на кафедру с блокнотом, заполненным новыми идеями, зачастую опережающими время. Он проходил по лабораториям, останавливаясь почти у каждого сотрудника и говорил как бы между прочим: «А не попробовать ли Вам провести такие-то синтезы...» и излагал одну из своих идей. Мы быстро поняли, что это совсем не между прочим сказано, через некоторое время он подходил и интересовался результатами. И если сотрудник ничего не мог ответить, он слышал такое презрительное замечание заведующего, произнесенное тихо,

без крика, что делал все возможное, чтобы такое не повторилось никогда.

Он считал полезным для нашего роста кидать нас как щенков, не умеющих плавать, в воду, веря, что мы выплывем. Я только год или два работала на кафедре преподавателем и после защиты диссертации занималась исследованием алкилкарбаматов как экстрагентов для нафталина. Как-то вечером мне домой звонит Ярослав Михайлович и говорит: «Завтра прочитаете лекцию на факультете повышения квалификации по экстрагентам для ароматических углеводов. Должен читать директор одного института, но он испугался, очень уж аудитория квалифицированная». И спорить было бесполезно, но это, наверное, здорово нас закалило.

Он был человеком не очень удобным для начальства, не занимался общественной работой, а в последний год работы на кафедре наговорил несколько дерзостей в адрес ректората, и вынужден был уйти, приняв предложение переехать в Белоруссию, получив звание академика БССР. Для кафедры это была очень большая потеря, да и он, по-моему, испытывал настоящую боль, приходя на кафедру уже в роли гостя.

Саша Лунин был любимым учеником Я.М. Паушкина. Он был очень яркой личностью, обладал удивительной харизмой. Да, это был лидер от природы, прекрасный организатор, к нему тянулись, им восхищались, ему хотели подчиняться. Вокруг него было много талантливых молодых ребят, многие из них стали докторами наук, профессорами, заведующими кафедрами. В то время часто разные комиссии приходили для проверки кафедры или факультета (Лунин был и секретарем партбюро факультета, а потом деканом) и всегда после разговора с Луниным члены комиссии говорили, что работа организована безукоризненно, очень полезно было бы другим подразделениям института поучиться у Александра Федоровича.

Тамара Петровна Вишнякова в моей жизни сыграла очень большую роль, так как была моим научным руководителем и начальником. Она была человеком очень организованным, трудоспособным, ответственным. Ее любимыми поговорками были: «Под лежачий камень вода не течет» и «Волка кормят ноги». Однажды, когда нужно было обратиться в какой-то академический институт с просьбой провести для нас ряд анализов, а я никак не могла решиться на это, она мне сказала: «Я-то думала, Вы пробивная и шустрая, поэтому и взяла Вас к себе в аспиранты, а Вы оказались интеллигентной, стеснительной девочкой». Мы иногда обижались на нее за излишнюю строгость и требовательность, но обожали ее во время совместных командировок или какого-то совместного времяпрепровождения вне работы. Она была такой энергичной, всем интересующейся, легкой на подъем. Мы ходили вместе с ней в составе преподавательской группы в бассейн и тренажерный зал на Ленинские горы, и она была самой активной из нас. А когда одна из преподавательниц организовала пешие

воскресные прогулки по Москве, которые вел профессор архитектуры, оказалось, что первое место по посещаемости этих экскурсий заняла Тамара Петровна, хотя она была самой старшей из нас.

Ну, пора остановиться, хотя воспоминания разного рода так и лезут из головы на бумагу. Интересную, насыщенную жизнь прожили мы на кафедре нефтехимического синтеза, с замечательными людьми свела меня судьба!

Вишнякова Т.П.- д.х.н., профессор кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности и кафедры органической химии и химии нефти, выпускник МНИ им. И.М.Губкина 1939 г.

В 1935 г. Советом Труда и Оборона было принято решение о строительстве под Москвой нефтеперерабатывающего завода для снабжения столицы и Московской области моторным топливом и битумом.

Строительство было решено осуществить на площадке, ограниченной с одной стороны Москвой-рекой, с другой – селением Капотня, а с третьей – оврагом у селения Чагино. Решение о строительстве завода было принято с учетом целесообразности размещения нефтеперерабатывающего завода вблизи мест потребления нефтепродуктов.

Сырьем для нового завода должен был быть бакинский мазут, доставляемый водным путем. Благодаря построенному на заводе в 1938 г. цеху термического крекинга и пуску 1-й крекинг-установки завод стал называться «Московский крекинг-завод» (МКЗ).

В 1939 г. была пущена 2-я крекинг установка.

К июлю 1940 г. был смонтирован асфальто-вакуумный цех. Пуск и эксплуатация этого цеха шли с большими трудностями, но и отсутствие опыта и квалифицированных кадров, наличие ряда недоделок – всё в конце концов было преодолено.

Постепенно шло расширение завода. В июне 1941 г. практически был закончен монтаж спеццеха №3, куда входили установки газофракционирования (ГФУ) и полимеризации. Комиссия Наркомата нефтяной промышленности дала заключение о готовности спеццеха №3 к эксплуатации, т.к. всё оборудование было смонтировано, цех полностью обеспечен подготовленными кадрами, преимущественно молодыми.

В июне 1941 г. я была откомандирована на МКЗ с Саратовского крекинг-завода, где после окончания МНИ им. И.М.Губкина проработала по распределению почти 2 года на полимеризационной установке системы UOP (США).

18 июня 1941 г. я прибыла на МКЗ, и после прохождения необходимой процедуры оформления была зачислена дежурным инженером в спеццех №3 на полимеризационную установку № 29. Начальником спеццеха был Юдин Василий Лаврентьевич – высококлассный специалист из первого выпуска студентов МНИ им. И.М.Губкина и участник строительства МКЗ.

Знакомство с технологической схемой и режимом работы установки № 29 заняло у меня совсем немного времени, т.к. установка № 29 хотя и была полностью отечественного

производства, но по основным параметрам соответствовала данным установки УОР. Сырьем для полимеризационной установки являлась бутан-бутиленовая фракция с установки ГФУ. Ознакомление с установкой ГФУ потребовало значительно большего времени, т.к. для меня это было новое производство. Целевая продукция установки № 29 - полимердистиллят – продукт полимеризации бутиленов, от которого отбиралась узкая фракция 93-127⁰С (пределы выкипания изомеров изоктенов); последняя направлялась в Уфу на гидрирование для получения изооктана, имеющего октановое число 100.

Добраться до завода мне было необходимо на электричке со станции Перово до станции Люберцы, а оттуда автобусом до завода. Автобус ходил 2 раза в сутки: утром за сменой в 7.00 и вечером в 17.30 – привозил служащих с завода и забирал вечернюю смену.

В стране в то время существовал закон, по которому за опоздание больше 20 минут дело передавалось в суд. Наказанием являлась выплата в течение 6 месяцев 25% заработной платы в качестве штрафа, а в трудовую книжку записывалась судимость. Через несколько дней после моего зачисления на завод я опоздала на 25 минут, т.к. опоздала электричка, а я соответственно не успела на заводской автобус. Много было разговоров на заводе, большинство мне сочувствовали; в конце концов начальник по труду и заработной плате и директор завода решили, что необходимо учесть стечение обстоятельств, судимость и выплата штрафа меня миновали, но я с тех пор всегда волновалась за транспорт.

Все с нетерпением ждали пуска спеццеха, т.к. это увеличило бы производство моторного топлива и существенно уменьшило бы загрязнение воздуха в окрестных поселках и деревнях (газ с действующих установок непосредственно поступал на факел и полностью сжигался).

22 июня 1941 г., воскресенье – день объявления войны, день начала великих испытаний.

С первых дней войны уход на фронт значительной части рабочих создал известную напряженность в работе завода: не хватало квалифицированных специалистов, не хватало кадров вообще и особенно в спеццехе, в котором остались 4 инженера (Баринов В., Головин С., Вишнякова Т., Катина Н.) и 2 насосчицы. Предстоял пуск спеццеха, а кадров не было. Обратились к жителям и молодежи Капотни – штат пополнился в основном за счет девушек (16 – 17 лет), юношей было мало, т.к. многие ушли на фронт. Начался процесс обучения новых кадров: знакомство на месте с технологическими схемами, коммуникациями, арматурой, контрольно-измерительными приборами, техникой безопасности и т.д. Все старались учиться отлично, понимали значение нашего завода для обороны, и так велико было желание своим трудом помочь стране в борьбе с врагом.

Поскольку роль завода в хозяйстве страны в условиях войны значительно возросла,

необходимо было обеспечить безопасность и завода и людей. На территории каждого цеха работниками этого же цеха были вырыты щели (бомбоубежища) для укрытия людей, а на поверхности были созданы ложные рельефы (из камней – реки, с помощью красок – поля, леса), чтобы дезориентировать вражескую авиацию. Кроме того, с привлечением архитекторов и спецгруппы работников завода на некотором расстоянии от завода по периметру его были сооружены из фанеры 3 аналогичных завода. Эта измененная картина местности довольно успешно маскировала завод и защищала его от налетов немецкой авиации. Впоследствии только единичные зажигательные бомбы случайно попадали на территорию завода, не причинив сколько-нибудь серьезных повреждений, т.к. обычно дежурные из ПВО или сами работники хватали эти «зажигалки» и бросали их в бочки с водой.

В день первой бомбежки Москвы 22 июля 1941 г. был осуществлен пуск спеццеха – началась его плановая эксплуатация. Надо отдать должное всем работникам спеццеха – в день, когда над Москвой рвались бомбы, они сумели заставить себя не думать об этом, а следить за четкостью работы агрегатов; волноваться не за свою жизнь, а за качество нового вида продукции. Это героическое мужество людей, и его значение было особенно велико в те дни, когда Красная Армия отступала с тяжелыми боями. Коллектив работал по 12 часов в смену, а сознание того, что фронт благодаря их работе получит дополнительное количество топлива, давало людям моральное удовлетворение.

Участились бомбежки Москвы и Московской области, на заводе по сигналу «Тревога!» гасили свет, наступала темнота, особенно в насосных, поэтому задвижки приходилось открывать-закрывать на ощупь. Но самым неприятным было, если «сбрасывал» насос – попала газовая пробка, его необходимо было продуть до появления сырья, а практически вся «продувка» оставалась в насосной. Через некоторое время обычные электрические лампочки были заменены на лампы синего цвета.

Спеццех, несмотря на определенные трудности с кадрами, почти ежедневные бомбежки и приближение врага к Москве, работал и выдавал продукцию – полимердистиллят. Очень тяжелым были конец сентября и начало октября 1941 г., когда немцы рвались вперед и очень близко подошли к Москве. На заводе был установлен так называемый «пост», который должен был сработать на уничтожение завода, если положение станет критическим и придется оставить Москву.

16 октября 1941 г., моя смена с 8.00 утра, но попасть на электричку невозможно, они идут без остановок, полностью забитые людьми, которые ухитряются ехать даже на крыше. Ни одна машина не останавливается, все пролетают на бешеной скорости; кругом дым, гарь – в учреждениях жгут бумаги – немцы подошли очень близко. Я и заводской химик Н.Л.Мальмед (работали в одной смене) понимали, что любыми способами мы должны по-

пасть на завод, и решили идти пешком по Рязанскому шоссе до Люберец и дальше до завода (приблизительно 25 – 30 км). Когда мы добрались до завода, то застали толпу работников около заводоуправления во главе с директором завода П.К.Финенко, который объявил, что оборудование спеццеха в ночь с 15 на 16 октября срочно было эвакуировано, раздал всем трудовые книжки с записью «Уволен в связи с эвакуацией завода», и пошли мы обратно. Следующий день – 17 октября – был потрачен на осмотр Москвы (было много следов бомбежки), а 18 октября мы отправились в Наркомат нефтяной промышленности и получили направление на работу в Уфу на Уфимский нефтеперерабатывающий завод.

4 ноября 1941 г. вместе с эшеломом МНИ им. И.М.Губкина мы выехали в Уфу. Уфимский нефтеперерабатывающий завод расположен в г. Октябрьском в 20 км от Уфы. По прибытии как-то устроились с жильем и отправились на завод. Меня назначили дежурным инженером в цех № 3 на полимеризационную установку системы УОР (идентичную Саратовской).

В Уфе я проработала до мая 1942 г., затем согласно решению Наркомата НП о возобновлении работы на МКЗ, где заканчивался ремонт оборудования цеха, я вернулась в Москву. Из дежурных инженеров в спеццех № 3 МКЗ в то время вернулись Н.И.Катина и я, некоторые операторы и помощники операторов. Кадров не хватало, опять обращались к населению Капотни. С момента повторного пуска и налаживания работы спеццеха мы с Катиной Н.И. и начальник цеха Юдина В.Л. полностью отвечали за работу ГФУ и полимеризационной установки. Т.к. не хватало сменного инженера, мы в течение 3 месяцев работали по 24 часа, сменяя друг друга в 8.00 утра, и только после возвращения инженера Соскинда Д.М. перешли на смену в 12 часов.

1942 г. оказался еще более трудным для заводского коллектива. В связи с наступлением немцев под Сталинградом совершенно перестало поступать сырье из Баку. Наркомат НП принял решение о передаче сырья на МКЗ с нефтесклада г. Ярославля, однако вскоре и эти запасы были израсходованы.

К этому времени в Урало-Поволжье была значительно увеличена добыча нефти, поэтому Наркомат НП принял решение о поставке на МКЗ восточной - ишимбаевской нефти, содержащей значительное количество сернистых соединений. Для переработки такой нефти была необходима высокоэффективная очистка от сернистых соединений, а завод не был к этому готов, существовало лишь оборудование малой мощности для щелочной очистки газа, поступающего на ГФУ после отстоя.

Газ имел очень резкий, неприятный запах (за счет меркаптанов) и сильно действовал на глаза, вызывая резь и боль. Из-за этого смена, приступавшая к работе в составе 7-8 человек, к концу рабочего дня насчитывала всего 2-3 человека, остальных увозили в заводскую

медсанчасть (в цехе всегда дежурила машина скорой помощи).

Производственная напряженность на заводе возросла. Бензовозы, автомашины, танки, прибывшие с фронта, стояли у ворот завода в ожидании топлива. Водители-фронтвики ожидали отпуска готовой продукции в операторной цеха, и работники цеха всегда очень волновались, как бы кто-нибудь из них не закурил, хотя на проходной проверяли наличие папирос, спичек, зажигалок. К счастью, при мне такого ни разу не случилось. Нередко ожидавшим водителям отпускали бензин «тепленьким» - прямо из колонны. Коллектив цеха изыскивал все возможные резервы, чтобы удовлетворить нужды фронта.

Много усилий требовалось от коллектива цеха при работе в зимних условиях. Газ с крекинг-установок и из вакуум-асфальтового цеха, пройдя компрессию, щелочную очистку и отстой, не подвергался дополнительной осушке, поэтому содержал достаточное количество влаги, которая с газовыми компонентами образовывала твердые кристаллогидраты. В подводящих трубах образовывались пробки, и в системе росло давление. В таких случаях весь коллектив цеха, независимо от времени суток брался за паровые шланги, и паром отогревался участок, в котором предполагалось образование пробки, до нормальных показателей на приборах. По сей день помню: нужно сдавать смену, уже 7.30 утра, в 8.00 уходит автобус в Люберцы, а на приборах беспорядок – видимо, где-то газовая пробка. Беру паровой шланг и бегом прогреваю трубопровод (кто-то тоже помогает), но времени не хватает и автобус уходит без меня. Нештатную ситуацию удалось ликвидировать значительно позже; пока сдали смену, подписали вахтенный журнал - в результате в тот день я так и не попала домой.

Медленно шло освоение переработки восточной нефти, что затрудняло работу завода в 1943 г. В мае завод остановили на капитальный ремонт, который рабочие ударно провели своими силами. С июля 1943 г. завод вышел на плановую мощность, а годовую программу выполнил на 104%.

Много радости приносили сообщения о наших победах на фронте: под Сталинградом, на Курской дуге, успешных наступлениях Красной Армии в 1944 г. Это воодушевляло коллектив, давало силы работать еще лучше, выпускать больше топлива для фронта, перевыполняя план выпуска продукции. В мае 1944 г. заводу было присуждено Красное знамя Народного Комиссариата нефтяной промышленности.

Завод часто посещали разные комиссии. В один из солнечных августовских дней комиссия из Наркомата в количестве 7-8 человек во главе с директором завода Финенко П.К. нагрянула в операторную ГФУ, работала моя смена. Когда гости вошли, все разбежались, осталась я одна и мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы и показывать оборудование. Обычно всех очень удивлял вид этанового насоса, который даже в самую жаркую погоду был покрыт коркой белейшего снега.

Через несколько дней меня пригласили в Наркомат, где состоялся разговор о моем переходе на работу в систему Наркомата. Я не соглашалась, приводила разные доводы и высказала желание учиться в аспирантуре. В результате в конце декабря 1944 г. я была откомандирована Наркоматом в аспирантуру МНИ им. И.М.Губкина.

9 мая 1945 г. – День Победы, долгожданный день! На заводе состоялся митинг в честь Победы, много говорили о самоотверженной работе коллектива завода в трудные годы войны, радовались, смеялись, строили планы на будущее.

Постепенно с фронта возвращались демобилизованные солдаты и офицеры. К мирной жизни возвращался и завод. С 1 октября большинство цехов были переведены на 8 часовую рабочую смену, вновь введены отпуска.

Наступили годы движения вперед, развития, освоения новой техники и технологий. Началась реконструкция установок, расширился выпуск продукции, была организована система подготовки нефти к переработке, построена первая в СССР электрообессоливающая установка с шаровыми электродегидраторами.

В марте 1952 г. завод переименован в Московский нефтеперерабатывающий завод (МНПЗ).

Власова И.Д.- к.х.н., старший научный сотрудник кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности (1961-2004 гг.), выпускница МНИ им. И.М.Губкина 1961 г.

Все, кто в разное время работал, учился на кафедре нефтехимического синтеза, считает это время самым счастливым в жизни, а друзей, с которыми подружился в это время – самыми верными. Работать под руководством необычайно преданного науке, творческого человека, Ярослава Михайловича Паушкина, который создал кафедру и много лет ею руководил, было очень интересно. Ярослав Михайлович ценил в своих сотрудниках, студентах и аспирантах интерес к науке, инициативу и умение работать и получать результаты в непростых условиях Вуза, когда часто не хватало приборов, реактивов и оборудования. К людям, которые не обладали такими качествами, он быстро терял интерес, поэтому они у нас на кафедре не задерживались. Ярослав Михайлович благожелателен, выдержан и снисходителен к своим ученикам, которые подчас по молодости были наивны и не имели соответствующего опыта работы. Он, как руководитель, был проникательным и мудрым человеком, умел разглядеть в своих учениках потенциальные способности и склонности, умело развивал их таким образом, что человек мог полностью реализоваться. Поэтому так слаженно и результативно работал созданный им коллектив кафедры нефтехимического синтеза.

С самого начала нашей работы мы попали в обстановку научной деятельности, требующей истинного творческого интереса и самоотдачи. Ярослав Михайлович буквально фонтанировал научными идеями в различных областях химической науки и техники, многие из которых, на первый взгляд, казались неосуществимыми, так как далеко опережали свое время. В последующем, многое, из того что он предлагал, было реализовано.

Мы вспоминаем, как Ярослав Михайлович ежедневно обходил все лаборатории кафедры, беседовал с каждым сотрудником и аспирантом, узнавая результаты работы за предыдущий день, давал конкретные советы и бывал искренне разочарован, если получал ответ, что по техническим причинам не удалось провести эксперимент.

Ярослав Михайлович думал о своих сотрудниках, способствовал защитах диссертаций, заранее заботился о продвижении по должности и повышении заработной платы.

На кафедре в 60-е годы было очень много молодежи (до 90%), творческая атмосфера, прекрасные учителя, доброжелательные сотрудники и обстановка. Мы активно участвовали в жизни, с энтузиазмом обсуждали все проходившие события, переживали за судьбу страны. Все вместе отмечали праздники, юбилеи, многочисленные защиты диссертаций. Они у нас в памяти и на фотографиях.

Когда Ярослав Михайлович ушел с кафедры в 1970 году, мы продолжали работать, успешно реализовывая в промышленности научные разработки, выполненные под его руководством. Он регулярно посещал нас и живо интересовался нашей жизнью и работой. Для нас эти встречи были праздником, мы в его присутствии ощущали себя молодыми и полными творческих сил его учениками. И мы не удивились, когда именно с нашим коллективом Ярослав Михайлович решил отметить свой юбилей – восьмидесятилетие.

Мы с благодарностью, теплотой и любовью до конца своих дней будем вспоминать научных руководителей Я.М. Паушкина и Т.П. Вишнякову, преподавателей, сотрудников, аспирантов, совместную работу, творческие успехи.

Со дня основания кафедры прошла целая эпоха – 50 лет жизни нашей страны. Вместе с изменениями в стране менялось название кафедры, тематика научной работы, но теми же оставались люди, работающие на кафедре – энергичными, доброжелательными, преданными кафедре. Хочется верить, что у нового поколения нашей кафедры – большое прекрасное будущее.

***Поэма к 30-летию кафедры НХС.
(И.Д. Власова, И.А. Голубева, Т.А. Соколинская)***

*Не за горами и лесами,
За широкими морями,
А на нашем факультете,
Хоть не сказано в газете,
Кафедра родилась,
Всем на радость удалась.
Институт ей был отец,
Химия – родная мать,
Как про это не сказать.
Скоро 30 будет ей,
Это уж не мало дней,
Есть успехи, достижения,
Многие такого мнения.
Да, такие, что поныне,
Не бывало и в помине.
Как присадки изобрели,
Много сил мы обрели.
Можем фирмам продавать,
Если будут у нас брать.
И с тирелизом успехи,
Несмотря на все помехи.
Преподаватели у нас,
Право слово, высший класс.
Вот ансамбль свой создали,
И танцуют, и поют, и занятия ведут,
Даже лекции читают,
Их за это почитают,
А студенты уважают*

*И артистами считают.
И сотрудники не хуже,
И красивы, и умны,
Парни все богатыри:
И баллоны поднесут,
И присадки создадут,
Хроматографы наладят,
С Элеонорой Михайловной поладят.
Женщины же очень ловки,
Сами шьют себе обновки,
Могут кофточку связать,
Торт испечь,
И стол собрать,
Могут химией увлечься,
И в кино пойти, развлечься,
О политике поспорить,
И реакцию ускорить.
В общем коллектив такой,
Что решит вопрос любой.
Каждым можем мы гордиться,
На любого положиться.
И вот кафедре такой,
Уже не очень молодой,
Пришлось имечко сменить
И программы изменить.
Перестройка стала мать,
Хозрасчет – родной отец,
Будет ли он молодец.
Кафедре своем желаем:
С годами больше молодеть,
Экологию учесть
(Ей теперь большая честь),
Отдачу нефти повышать
И химию не забывать.
И за коллектив сей дружный
Выпить всем нам быстро нужно,
Ну-ка, люди, веселей,
Наливай чаек скорей.*

~~~~~

Крылов И.Ф.- д.т.н., профессор кафедры газохимии, выпускник МНИ им. И.М.Губкина 1958 г.

Формула бензола - это тройка.

Я.М. Паушкин читал основной курс «Технология НХС» группам НХС-ников. Для приема экзаменов он, как лектор, обычно привлекал преподавателей, которые в этих группах вели лабораторные и семинарские занятия.

И вот однажды, один из молодых преподавателей, который только-только начал педагогическую деятельность, вместе с лектором в аудитории принимает экзамен. Один из студентов отвечает молодому преподавателю очень слабо и преподаватель полный молодого энтузиазма начинает студента гонять по всему курсу и чем дальше, тем хуже. Наконец поняв всю бесполезность этого молодой преподаватель намеревается поставить двойку и с этим направляет неудачника к Я.М. Паушкину как лектору и главному на экзамене. Я.М. спрашивает «Что, совсем плохо?» и на утвердительный ответ последовал такой диалог:

Я.М. Паушкин: «Ну а формулу бензола студент написал?»

Преподаватель: «Да, написал.»

Я.М. Паушкин: «Но это же замечательно и вполне можно ставить тройку!» К великой радости студента.

Хороший урок для незадачливого преподавателя по технологии контроля знаний студентов на экзамене, которому он следует до сих пор.

Машины КИСИ

В 70-х годах в ВУЗ-ах началось повальное увлечение техническими средствами обучения (ТСО). В частности, для предварительной оценки готовности студента к выполнению лабораторной работы или предварительной оценки знаний студента с последующей сдачей преподавателю коллоквиума, зачета или экзамена были разработаны различные контролирующие машины. На кафедре НХС для этой цели были приобретены машины КИСИ, разработанные в Куйбышевском инженерно-строительном институте. В эту машину закладывались подготовленные 10 карточек с вопросами и четырьмя вариантами ответов на каждый вопрос, при этом правильный ответ имел перфорацию для замыкания контакта и фиксации правильного ответа. Успешная сдача считалась при наличии шести и более правильных ответов. И вопросы, и ответы были достаточно простыми и свидетельствовали лишь о том, готовился ли студент к предстоящей встрече с преподавателем. Устройство машины не позволяло

осуществлять более сложные варианты.

Молодыми преподавателями кафедры была проведена вся подготовительная работа по изготовлению карточек и предварительному опробованию системы. Когда все было готово, зав. кафедрой Я.М. Паушкин изъявил желание ознакомиться с этим новшеством и в присутствии всего преподавательского состава кафедры подошел к машине и ответил на заданные вопросы. К ужасу авторов подготовленных билетов машина выдала то ли 3, то ли 4 правильных ответа. Я.М. Паушкин разразился такой тирадой, в которой наиболее мягкими выражениями были: «Какие дураки придумали эти машины?», «Какие остолопы придумали эти вопросы и ответы на них?» и т.д., после чего удалился из практикума ауд. 536.

После его ухода мы - авторы вопросов слегка поехидничали, но машинами КИСИ успешно пользовались, т.к. при всей примитивности проверки знаний время преподавателя в определенной степени экономилось.

Трофимов В.А.- к.х.н., доцент кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1963 г.

Пятьдесят лет тому назад в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности была создана новая кафедра, получившая наименование «Кафедра технологии нефтехимического синтеза». Заведующим кафедрой Ученым советом института единогласно был избран Ярослав Михайлович Паушкин.

Приказом по институту вместе с ним на вновь созданную кафедру были переведены опытнейшие преподаватели кафедры органической химии и химии нефти: Тамара Петровна Вишнякова и Ваче Иванович Исагулянц. Несколько позднее на кафедру пришла Софья Валериановна Адельсон. Эти крупнейшие специалисты и приняли участие в формировании преподавательского и научного коллективов кафедры, вводя в состав ее молодых, энергичных, талантливых выпускников факультета. Так, на кафедру были зачислены преподавателями: А.Ф. Лунин, С.А. Низова, И.А. Голубева, И.С. Паниди, В.И. Никонов, О.П. Лыков, И.Ф. Крылов, Р.И. Федорова и др.

Преподаватели вместе с научными сотрудниками для выполнения научно – исследовательских работ объединялись в научные лаборатории. Постановлением Совета Министров страны от 12 марта 1962 года в нашем институте была учреждена Госбюджетная лаборатория присадок, которую возглавил Академик АН Арм. ССР, доктор химических наук, профессор Ваче Иванович Исагулянц. Ваче Иванович был талантливым преподавателем, опытнейшим ученым – исследователем, работавшим в химико – фармацевтической отрасли, производстве синтетических душистых веществ, органической химии и химии нефти, наконец, в интенсивно развивающемся в те годы нефтехимическом синтезе. Как и на всей кафедре профессор принял в свою лабораторию молодых, энергичных сотрудников, аспирантов. Ему тогда было уже 69 лет, а тем, кто пришел к нему работать, в эти годы исполнилось 24-25 лет. Многие из них сегодня кандидаты и доктора наук, некоторые из них были избраны академиками и членами – корреспондентами АН, работали и работают сегодня заведующими кафедрами ряда высших учебных заведений страны. Большая группа специалистов была подготовлена лабораторией для таких стран, как Китай, ГДР, Болгарии, стран Ближнего Востока и др.

Занимаясь в лаборатории, все они осваивали химию и технологию производства присадок к нефтепродуктам, ионообменный катализ, основоположником которого в нашей стране он был. Ваче Иванович создал школу, но создавая ее, он всегда старался делать так,

чтобы его ученики могли не только стать квалифицированными специалистами. Он всегда думал о том, чтобы внутри этого коллектива создавались условия взаимного понимания, желания помогать друг другу, чтобы создавались необходимые условия для творчества.

На всех наших встречах, посвященных различным праздникам, он всегда был в центре внимания, ни одна из них не проходила без его участия. Мы сочиняли веселые поздравления ему и друг другу, чему он всегда был рад.

Некоторые из них, сохранившихся до сих пор, мы приводим здесь, полагая, что читатели отнесутся у ним с пониманием и снисхождением.

Лаборатория

Посвящается В.И. Исагулянцу
28 декабря 1980 года.

*Год уходит, а ты в восемнадцать
(Боже, что это за года?!)
На параде сегодняшних границ
Стала старше – и все ж молода.*

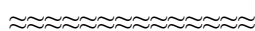
*Помнишь чудный контральто
Грачевой,
Шаназаровский блиц на доске,
Помнишь, как – то...
Не пишется слово...
Ручка дрогнула в правой руке...*

*Аспирантов вспомни – ка старых:
В «Михаэле» была Маркосян...
И железный мужик Сафаров –
Первый, выдавший нам диоксан...
А Евстафьев – профессор
Словно
Кумараны клепал налегке
Из фенолов...Не пишется слово...
Ручка дрогнула в правой руке...*

*А гигант Похиленко, вы помните?
И це – аш...и азот...и хлор...
Ну, а Юля Семеновна, помните...
Испытаний любой набор.
Где методика? Снова и снова
Метод ищет...Рука на виске...
Почему – то не пишется слово...
Ручка дрогнула в правой
Руке...*

*Сколько сделал для нас Он-
Много!
Перечислить нельзя до утра:*

Подарил он нам в путь дорогу
Много знаний и много
Добра
Пусть нам было тогда
Сурово
В том прекрасном для нас
Далеке...
Почему – то не пишется
Слово...
Ручка дрогнула
В правой
Руке...

Новогодняя поэма,
посвященная завершению
1968 года.

Вот все перевернув в природе,
Уходит, наконец, Касьян,
Покрыв слезою непогоды
Земли прекрасной зимний стан.

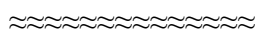
Уходит, не покрыв оконца
Домов причудливым узором...
Ты беспокойный был на солнце.
А на земле ты был которым?

У стариков извечное желанье
Увидеть силуэт твой со спины,
Когда уходишь ты в воспоминанье,
Дверь затворив с обратной стороны.

Мы ж в мини – юбки шустро обрядились
И, нацепив сверхмодные штаны,
Давным-давно уже освободились
От предрассудков милой старины.

И поплевав в ладонь худую,
Приправим мы поляны редких грив.
Улыбку благодарности святую
Изобрази нам, женский коллектив!

Поскольку с поздравлением сегодня,
Приправленным каскадом теплых слов,
К Вам обращаются сегодня
Непомнящий, Трофимов и Фролов.

Из цикла: «Я люблю Вас,
Люди...»

Давным-давно когда-то
Я прочел стихотворенье,
Которое своею чистотой
И добротой душевною тотчас же
Вдруг поразило, запало в душу.
А говорится в нем о том,
Что ясным днем
Эфир безмолвный
Вдруг преобразился
Сигналами из точек и тире
Морзянки: «восемьдесят восемь»,
На языке радистов означает это
«Я Вас люблю».
Так мы желаем, чтобы в письмах всех,
Что ты прочтешь в тот год,
Что мы встречаем,
Его порядковый, что будет несомненно
Стоять в конце его или в начале,
Тобой воспринимался так,
Как в том стихотворении.
Так мы желаем,
Чтобы в письмах всех,
Что ты напишешь в год,
Что мы встречаем,
В его порядковый, что несомненно
Поставишь ты его в конец,
Или в начало,
Ты вложишь точно тот же смысл,
Который вложен в то стихотворенье.

~~~~~

Из цикла:
«Благодарю тебя, женщина...»

Милая, ты прости меня.
Мне совсем сейчас нелегко.
Своего я не видел имени
В списке тех, кто носил молоко.

И не был средь вас даже сотником
Тех, кто тщательно мыл полы...
Кто на нашем вчерашнем субботнике
Тараканьи прыскал углы...

Мне действительно это не нравится,
Грустно, сидя за этим столом.
Ради вас я готов исправиться
Даже прежде, чем двинусь на слом.

Поздравление...Нет, вроде я каюсь,
Но зерно здесь, по-моему, есть.
С благодарностью низко кланяюсь
И чаек пью за Вашу честь!!!

~~~~~

Из цикла:
«В этих глазах, напротив...»

Зима за окном играет.
Уж больно упряма она.
Старается, очень старается,
Чтоб задержалась весна.

Но нам это все до лампочки,
Аж то, что окно занесло.
Внизу в шкафу ваших тапочек
Вагон! Как от них нам тепло!

На чистом полу, на вымытом
Ты ножки оставила след...
Как будто на нас, «покинутых»,
Любовно накинула плед.

Пускай за окном играет
Зима. Пусть упряма она.
Зима на нас задирается:
Ведь в ваших глазах весна.

~~~~~

Из цикла:
«В горящую избу войдет...»

*С экологией чертовой этой
Мужикам стало просто беда.
Представляете, мы с сигаретой
Вдруг попрали охрану труда!*

*Дело стопорится! Обиделась!
Дело можно в дыме творить!
Но хочу, чтобы ты увидела,
Что я в комнате бросил курить.*

~~~~~

*Космический рывок к священной дате.
Что не успеешь – это не беда!
Ведь опыт – отпрыск жизненных объятий
Не подводил еще нас никогда!*

*Уж до краев почти испита чаша.
Закрыть скорей бы «эксперимента кран»!
Тебе б на волю, милая Наташа!
Тебе б другой какой-нибудь «титрант»!*

*Большого счастья. Женского. Шального.
Тепла безмерного любимых сильных рук...
И жизнь пусть всеми гранями сияет снова,
Затмив обломки аспирантских мук!*

~~~~~

*Друзьям-товарищам, корешочкам...
Декабрь 1984 года.*

*Друзья, прошу немножечко потише,
И с синтезом повременим пока.
Три дня осталось году мышши,
На старте замер год быка.*

*Что дал нам этот високосный?
И так ли был уж он плохим?
Кто назовет его несносным
Иль к нашим радостям глухим?*

*Конечно, нет! И всем нам ясно,
Что кто-то в чем-то преуспел,
Что год он прожил не напрасно
И наворочал кучу дел.*

*Фролов железный закомплексовался
С Татьяной, Ольгой, Элею в хелат.
Центральный атом, он закрасовался
На фоне столь прекраснейших лиганд.*

*Святая троица: Парфенова с Наташей
И Валеи этот год на высоте.
Как потрясали мир науки девы наши!
Чужие тоже. Но ведь те – не те!*

*Победе Тониной мы были очень рады,
Творению ее прекрасных рук.
Мы терпеливы. Ждем другой награды –
Диплома ВАКа – «Кандидат наук».*

*Инна Максимовна спокойна и не стонет,
Штампует полимеры вновь и вновь.
Не загустеет масло в Оймяконе,
Как не густеет в ее жилах кровь.*

*В кругу друзей, в своих родных пенатах
Пропела песнь прекрасных давних дней
Наш кандидат Танкаева Наташа.
И в этот день мы были вместе с ней.*

~~~~~

*Новогоднее поздравление
Аспиранту Х. Беналалю*

*Король футбола, волейбола,
Ты на площадке просто асс...!
Твои прекраснейшие соло
С мячом – да это высший класс!*

*И поэтическая лира
От Нила, Оби и до Рейна
Готова восхвалять кумира
Спортсмена Беналаль Хусейна.*

*Однако гордый сын Алжира
В Союзе вовсе не затем.
Умы химического мира
Сразить готов он глубиною тем.*

*Держитесь, медные хелаты!
Лиганды: тио...окси...аль..!
Под тягу в выжженном халате
Давно прорвался Беналаль!*

*Через преграды запахов – к победе!
От неудач и первых «Ох!» и «Ах!»
До самых эффективнейших на свете
Присадов в смазочных маслах!*

*На поле будь как Беккенбауэр, как Нетто,
В кольцо клади мячи как А. Белов!
Но в химии будь сам собой (не некто!)
И в крайнем случае лишь как твой шеф
Фролов!*

~~~~~

*Ваче Ивановичу в день Рождения
2 мая 1970*

*Ваш путь в науку – это путь таланта,
Осмыслен делом Ваших сильных рук.
И Вы прошли его от лаборанта
До доктора химических наук.*

*За Вашу жизнь Вы создали немало
Трудов научных, ценностей иных.
Редакция и та не успевала
Читать обложки многих Ваших книг.*

*И за часы исканий и творений,
Упорного труда, пренебрегая сны,
За смелость мысли, быстроту решений
Пришло и к Вам признание страны.*

*За это все как символ уважения
От нас примите этот скромный дар,
А на путях дальнейшего творения-
Здоровья, счастья и успехов, юбиляр.*

*Желаем на стезе труда извечной
Сквозь все преграды долгие года
Идти и впредь с заботой человеческой
О людях как вершителях труда.*

~~~~~

Никонов В.И. – к.х.н., доцент кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускник Бухарестского института нефти, газа и геологии 1960 г.

Этот опус накануне юбилея кафедры ТХВ дался мне с большим трудом. Предложение написать воспоминания о некоторых моментах моей жизни по началу показалось мне не очень серьёзным. Я во многом сомневался и, скажу прямо, очень колебался. Задача казалась мне едва ли выполнимой. Нельзя было свалиться в излишне подробную автобиографичность (хотя и без неё совсем обойтись невозможно) или в гротесковую жизненность. А как её миновать? К тому же немаловажным казался мне вопрос отношения к жизни, положения индивидуума в социуме, о чём не сказать мне казалось невозможным. Я не знаю, как смогу в целом выполнить эту свою миссию. Но я обещал... и потому должен буду самым фактом исполнения этого обещания заместителю заведующего кафедрой ТХВ Л.И.Т. преисполниться некоторым чувством удовлетворения и гордости. Не без этого! Думаю, что Вы, уважаемый читатель, простите меня за это.

Детство, отрочество, юность

Родился я в небольшом отдалённом провинциальном посёлке Озёрном 15 октября 1937 (да, того самого...) года. Мой отец – Никонов Иван Петрович 1900 года рождения имел образование четыре класса земской школы. Мама - Никонова Анна Андреевна 1906 года рождения была неграмотной.

В посёлке Озёрном было около тридцати жилых домов. Площадь посёлка с учётом располагавшихся в нём общественных и приусадебных хозяйственных построек составляла всего один квадратный километр. Рядом с посёлком в тот радужный период моего детства протекала небольшая, но прекрасная тогда река Чапаевка. Она была чистой с многочисленными омутами и стремнинами. В ней водилось множество всякой рыбы: щуки, окуни, краснопёрки, плотва, голавли и даже сомы. Старики на стремнинах, которые не замерзали и в зимнее время, успешно промышляли рыбу, устанавливая для её ловли верши и специальные направляющие щиты из ивняка. Известно, что живыми индикаторами чистоты реки (да и вообще любого водоёма) являются раки. Их в реке было огромное количество. В прибрежной зоне мелководий, хорошо прогревавшихся на солнце, можно было видеть на песчаном или илистом дне и совершенно удивительные по разнообразию рисунки - следы от передвижения моллюсков и их самих собственной персоной.

Она впадала в реку Волгу в районе города Чапаевска, расположенного недалеко от города Куйбышева. Много позже с этим городом, где находились многочисленные производ-

ства военного назначения, были связаны проблемы уничтожения накопленных и ставших ненужными в силу известных причин больших запасов химического оружия.

А как же мы – дети раннего и среднего сознательного возраста общались с рекой? Свои первые впечатления от реки я отношу к возрасту трёх-четырёх лет. Тогда и позднее мы сопровождали наших мам к деревянным мосткам на реке, куда наши мамы приходили полоскать бельё. Обычно мостки устраивались с выносом к глубоким местам реки, чтобы при полоскании белья вода не взмучивалась. Были не редки случаи, когда сом хватал кого-то за палец (а то и за ладонь) пытаясь утянуть, как ему казалось, «жертву» вглубь омута. Люди, как правило, от таких хваток легко освобождались.

Не исполнилось мне и четырёх лет, как началась Великая Отечественная война (ВОВ). В соответствии с Постановлением о светомаскировке жители посёлка с наступлением сумерек были обязаны плотно занавешивать все окна и проёмы построек прежде, чем зажигать в них керосиновые лампы (именно этот вид освещения был основным и почти единственным, кроме света свечек, в то и довольно продолжительное последующее время). По посёлку ходили люди и тщательно проверяли исполнение Постановления. Через некоторое время после начала ВОВ к нам в посёлок стали приходиться треугольные конверты военно-полевой почты, извещавшие родственников о постигшем их несчастье: кто-то погиб там-то, кто-то пропал без вести. Надо было видеть и слышать истеричные стенания, рыдания и слезы моих дорогих односельчан: чьих-то матерей, жён, сестёр. Да и старики не всегда могли сдержаться. Для меня эта боль – навсегда! То, что война принесла в мой маленький посёлок столько горя, позволяет судить о масштабах трагедии всего нашего народа в этой самой ужасной из всех известных войн.

В годы войны основной рабочей силой в нашем отделении колхоза были женщины. Они выращивали зерновые культуры, обслуживали животноводческую ферму; занимались овощеводством, заготовкой кормов для животных; к тому же они должны были вести и свои индивидуальные подсобные хозяйства. Вся работа посёлка, как и всей страны, проходила под девизом: «Всё для Родины! Всё для Победы!». В годы войны деревня выживала с трудом. Особенно не хватало хлеба. Наши мамы хлеб выпекали сами. В каждом доме была русская печь, которую топили утром, и голландская печь, которую в зимнее время топили вечером. Хлеб выпекали в русской печи. Чтобы сэкономить муку, женщины в качестве второго компонента использовали высушенные и измельчённые семена сорной травы-лебеды. Экономили и картошку, оставляя для весенней посадки лишь картофельные очистки. Экономили на всём. Но в семьях, где были маленькие дети, родители делали всё ради их нормального развития и здоровья.

Трудно выживали и животные. Они тоже испытывали недостаток кормов, которые кре-

стьяне в отсутствии мужчин не были в состоянии в достаточном количестве заготовить. Отсюда и болезни, и массовый падеж скота. До войны, в военные и в некоторой степени послевоенные годы основной тягловой силой в деревне были волы и лошади (гужевой транспорт). С помощью волов и лошадей крестьяне сохой вспахивали землю, перевозили различные грузы в разное время года (на телеге - летом, на санях - зимой).

Читатель, война ещё не окончена. Деревня продолжала жить своей обычной крестьянской жизнью, дух которой, я полагаю, Вам теперь более понятен. А что же делали мы – мальчишки и девчонки? Мы, конечно, тоже страдали в это трудное время, но постепенно взрослели и умнели и в какой-то степени наглели. Порой дело доходило и до драк особенно в нашей мальчишеской среде.

Однажды в районе нашего посёлка потерпел катастрофу самолёт. Когда район падения был оцеплен и обследован «Органами», они ушли. Мы немедленно устремились на повторное обследование. Споры и даже драки случились ради добычи в качестве игрушек каких-то деталей разбившегося самолёта.

В другой раз с неба на парашюте на посёлок «упал» контейнер с американскими консервированными продуктами (мясными, рыбными, молочными и овощными). Население посёлка продукты распределило по справедливости. Конечно, это был эпизод, возможно, даже случайный.

Но вот война, наконец, окончилась. В посёлок стали возвращаться больные, раненые и искалеченные солдаты войны. Как же были им рады их родственники! Да и не только! Весь посёлок радовался за них. И опять проливались слёзы, но теперь уже слёзы счастья. Безутешными оставались лишь те, кому уже некого было ждать. Какая-то надежда была у односельчан, которые в своё время получили известие о без вести пропавших их родственниках. Но вскоре и она рассеялась, как дым. Раны войны зарубцовывались с трудом. Но будут ныть всю оставшуюся жизнь. Но не всем в этой войне не везло. Помню, как в 1945 году на новеньком американском трёхосном студебеккере с войны вернулся наш сосед по фамилии Будаев, дом которого находился от нашего не более, чем в 50-и метрах. Он был весел и жизнерадостен. Вскоре он свой дом разобрал и на студебеккере по частям перевёз на другое место жительства.

1945 год, как год Победы, одновременно явился и годом начала моей образовательной карьеры. В посёлок для работы учителем начальной школы был прислан участник ВОВ - бывший танкист, горевший в танке. Всё его лицо, уши и руки были настолько обгоревшими (половины ушных раковин вообще не было), что кожа на этих участках тела казалась очень тонкой, была блестящей и одновременно очень бледной, какой-то белёсой. Некоторое время учитель жил недалеко от нашего дома, в доме соседа.

Учились мы по-разному. Лично и у меня были трудности с овладением знаниями. Когда я самостоятельно не мог до конца выполнить домашние задания (особенно по математике), мне помогал мой отец. Но происходило это тогда, когда у взрослых заканчивался трудовой день. По существу дополнительно заниматься с отцом приходилось поздним вечером при свете керосиновой лампы.

Крестьяне любили учителя. Во-первых, они понимали, что он даёт образование их детям и внукам. Во-вторых, весь его внешний облик не позволял им забыть ни на минуту, что он - искалеченная жертва войны, да к тому же ещё и с расшатанной нервной системой. Поэтому ему прощали некоторую невоздержанность в общении с учениками. Не знаю, как передать Вам чувства жителей посёлка, узнаваемые по их интонации, когда они видели учителя. Я могу сделать это, только нарушив грамматику русского языка, передавая их слова: «Смотрите, **Учитель** пошёл!».

У меня есть повод вернуться к годам коллективизации сельского хозяйства. По рассказам моей мамы мой дед Андрей имел большую семью, был зажиточным крестьянином, наёмных работников не держал. Тем не менее, дед был репрессирован, его дом и земля были экспроприированы. Деда арестовали и куда-то увезли. Больше его никто никогда не видел. В доме деда, находившегося в центре посёлка, разместилось Правление отделения колхоза. Но самое удивительное состояло в том, что по прошествии многих лет я, его внук, обучался в начальной школе, размещавшейся, как и Правление, так же в доме моего деда Андрея. Летом в посёлок в хорошую и тёплую погоду приезжала из Богдановки кинопередвижка. Киношники показывали жителям различные фильмы. В основном это были фильмы о войне, но и не только. «Кинотеатр» располагался под открытым небом рядом с домом моего деда Андрея. А экран для демонстрации фильмов всегда вешали на стену дома моего деда.

В 1949 году я поступил учиться в Богдановскую среднюю школу. Нас было трое закадычных друзей, обучавшихся в средней школе: Володин Виталий, Усков Вениамин и Ваш покорный слуга. Учились мы хорошо, более того, соревновались в учёбе по всем предметам. В увековечивание нашей дружбы Виталий Володин придумал для нас троих объединённую фамилию и общее имя. Мы обсудили все варианты (для фамилии и имени их было по шесть) и согласились, что наша фамилия должна быть Волусник, а имя – Витвенвол, как наиболее благозвучные. На том и решили. Этим мы пользовались вне школы. В школе же мы выступали под своими собственными именами и фамилиями.

От своего посёлка до школы мы добирались вместе на велосипедах, обусловив время и место встречи на границе посёлка. После уроков мы таким же путём возвращались в посёлок, по пути обсуждая текущие дела и обмениваясь впечатлениями. Когда наступала осенняя распутица и дорога становилась совершенно не проезжей и даже трудно проходимой (наша

почва – чернозём!), родители снимали для нас углы в домах жителей села Богдановки. Дорога домой, в посёлок, снова для нас открывалась только после схода талых вод и спада уровня воды в овраге, пересекавшем дорогу к нашему посёлку. Таким образом, в годы обучения в средней школе мы, дети посёлка, проживали и выполняли домашние задания «в людях» всё основное учебное время (пять – шесть месяцев в году). В домах своих родителей мы появлялись только во время каникул, в праздничные и выходные дни. В плохую зимнюю погоду («...не видно ни зги...») по этим поводам нас доставляли в посёлок гужевым транспортом.

Ещё одно отступление. В годы нашей учёбы в средней школе в посёлке на возвышенном холме, хорошо прогреваемом солнечным светом, возделывали бахчевые, в частности, арбузы. Волусник Витвенвол знали об этом. По пути из школы мы незаметно, прячась, пытались пробраться к плантации и полакомиться выращиваемой продукцией. Много раз нам это сходило с рук. Когда же в очередной раз мы прокрались на плантацию и сорвали несколько арбузов, то с изумлением увидели стоящего во весь рост недалеко от нас охранника с ружьём. Он завопил: «Ага, попались, прохвосты!» - вскинул ружьё и выстрелил. Что-то просвистело над нашими головами. Думаю, что своим выстрелом на первый раз он решил поугадать нас (ведь ни в кого же не попал!). Но вообще-то мы знали, что охранники снаряжают свои патроны крупной солью и стреляют по мягкому месту. После длительной и убедительной (для нас) беседы мы согласились с требованием охранника больше не воровать арбузы. Но, Читатель, где же справедливость? Об этом мы спросили и охранника: «А за примерное поведение нам что будет полагаться?». Результатом наших переговоров с охранником было его милостивое разрешение два раза в неделю, оставив велосипеды на границе поля, аккуратно, не повреждая плети, открыто подходить к его шалашу. Он обещал сорвать для нас столько спелых арбузов, сколько мы при нём сможем съесть. Так оно и происходило. Больше мы не воровали. Ни одна из сторон бывшего конфликта не нарушила взятый на себя обет.

В 1953 году умер И.В. Сталин. Печаль, смятение, неуверенность в будущем были характерными моментами чувств учащихся, учителей, всего населения. Что будет со всеми нами? Что будет со страной? Эти мысли не давали покоя всем, кто беззаветно верил вождю, кто про другое ещё ничего не знал.

Когда нам, ученикам средней школы, исполнилось примерно по шестнадцать лет (по окончании восьмого класса), колхоз в летний период стал привлекать нас к общественно полезному труду. Нас использовали, в основном, на сенокосе. В наши обязанности входило, сидя на сенокосилке, внимательно следить за рельефом местности, не допускать касания неподвижного полотна земли, поднимать полотно при обнаружении металлических предметов и живых существ (например, зайцев) в зоне скашивания. Скошенная трава оставалась на по-

ле для просушивания. Затем уже сухую траву сгребали в валки с помощью механических граблей. Человек управлял не только граблями, но и лошадью, тянувшей за собой эти грабли. К этой работе нас тоже привлекали. Работали мы и на транспортировке сена к местам формирования стогов. Далее стога сена (в том числе и зимой) транспортировались трактором к животноводческой ферме.

Вы можете спросить меня, зачем мы это делали? Ведь чисто формально мы не обязаны были работать, т.к. были ещё несовершеннолетними. Но, с другой стороны, мы хотели помочь своим родителям, добывая для них «палочки» (трудодни); и, наконец, нам просто это было интересно.

После трудового дня нам время от времени разрешали в качестве поощрительной меры за наше участие в общественных работах покататься на конях. Чем же хороши кони? Да тем, что на них можно было во весь опор проскакать галопом, чувствуя под собой резвое живое существо и давление на ваше тело тугой набегающей струи холодного воздуха, получая от всего этого истинное удовольствие. Не могу сказать это в отношении моих друзей, но лично меня конь многократно сбрасывал наземь, внезапно остановившись или бросившись в сторону от испуга (ведь скакал-то я без седла!). Любите и седлайте коней! Скачите! Да здравствуют кони!!!

Ближе к окончанию средней школы я стал задумываться о своём дальнейшем пути, о том, что делать, какую профессию выбрать. Думал я и о своих родителях, об их судьбе. В конце концов, все мои сомнения разрешила мама. Как-то она позвала меня к себе и произнесла слова, которые я никогда не забуду: «Сынок, уезжай отсюда!!! Здесь жить нельзя!!! Учись на инженера!!!». До какой же степени должна была деградировать деревня, чтобы родная мать, не думая о себе, о своей судьбе, отталкивала от себя собственное чадо ради его же счастья! Спасибо тебе, мама, спасибо!!!

В своих размышлениях о выборе профессии я всё более и более склонялся к мысли, что мне надо быть инженером-механиком. Каков резон? Во-первых, самолёты и вертолёты в наших глухих краях не летали, океанские лайнеры по реке Чапаевке не плавали, нефть и газ из недр не добывали, запах химии и химической технологии не ощущался, лампочки Ильича редко где горели, да мало ли чего ещё не было. Зато по дорогам (хоть и просёлочным) ездили автомобили, на полях работали тракторы, комбайны, сенокосилки, сеялки, другая *механическая* техника. Во-вторых, думал я, имея такую специальность, при крайней необходимости можно надеяться найти себе работу и на селе. Своими мыслями я поделился с отцом. Он одобрил мой настрой.

В 1955 году я окончил среднюю школу и получил Аттестат зрелости, в котором по всем предметам, кроме русского языка и литературы, стояли оценки «отлично». После окончания

средней школы Волусник Витвенвол перестали существовать. Тесное общение прекратилось. Дальше каждый из нас пошёл собственным путём. Но мы все трое нацелились на дальнейшее обучение в городе.

Летом 1955 года я стал усиленно готовиться к экзаменам для поступления на механический факультет Куйбышевского Индустриального Института имени В.В. Куйбышева (КИИ). Когда подошло время подачи документов в приёмную комиссию института, отец, не доверив меня мне, сопровождал меня в город. В какой-то день мы пришли в приёмную комиссию, и пока я предъявлял сотрудникам свои документы и писал заявление, отец отошёл, сказав: «Сынок, подожди меня здесь, я скоро приду». Через некоторое время он вернулся в состоянии сильного волнения. Оказалось, что отец беседовал с ответственным секретарём приёмной комиссии, который сказал: «На механическом факультете *очень большой конкурс*, ваш сын окончил *сельскую среднюю школу* и, скорее всего, *он не выдержит конкуренции с выпускниками городских школ*; я не советую подавать документы на механический факультет; рекомендую подать документы на нефтяной факультет, где конкурс *значительно меньше*». Эта информация повергла меня в сильное уныние. Я был растерян, потрясён, убит. Немного успокоившись, я сказал отцу, что всё-таки хочу подать документы на механический факультет. Отец, посмотрев на меня внимательно, ничего не сказал, видимо, обдумывая что-то своё. А, спустя небольшое время, спросил: «Сынок, ты действительно так уж хочешь вернуться в деревню? Именно так и будет, если ты не поступишь!». Я представил себе, как я возвращаюсь с позором в деревню, как смотрю в глаза моей мамы! И я струсил. Я не хотел возвращаться! Я не мог доставить боль своей маме! Поэтому я переписал заявление.

Прощай, деревня! Учусь я в городе теперь!

Успешно сдав в 1955 году вступительные экзамены, я был зачислен на первый курс нефтяного факультета КИИ по специальности «Технология нефти и газа». Я постепенно вживался теперь уже в свою изначально чуждую мне специальность. Я мало, что в ней понимал. Но постепенно постигал.

Первые три курса я закончил с отличными оценками по всем предметам кроме черчения: по этому предмету в первом семестре преподаватель оценил мои знания на «хорошо», во втором – на «отлично».

Читатель, не могу скрыть от Вас свои впечатления, связанные с приобретаемой специальностью, когда я впервые оказался на нефтеперерабатывающем заводе. Я был ошеломлён. Раньше я не видел никогда такого скопления колоссальных размеров технологического оборудования установок переработки нефти. Здесь всё гудело, свистело, парило, дымило, грохотало, горело да к тому же ещё и воняло! Это было нечто! Это впечатляло! И это в себя влюбляло! Постепенно я охладевал к своей первоначальной мечте. Оказалось, что ей есть

замена! Но одновременно это охлаждение отдаляло меня в перспективе от деревни и моих родителей в плане возможностей оказания им физической помощи. Я уже не мог рассчитывать на возможность существования отдельно взятого НПЗ в отдельно взятой деревне. Разума у меня на это хватило.

В городе мы, студенты КИИ, жили обычной студенческой жизнью. Прежде всего, мы учились. Но и развлекаться умели. Ходили в театр оперы и балета, драмтеатр, посещали кинотеатры, гарнизонный дом офицеров (танцы), открытые летние танцплощадки города, устраивали праздники и танцы в общежитии, гуляли по набережным реки Волги. Любители рыбной ловли (Ваш покорный слуга был в их числе) увлекались и этим занятием.

В летние каникулы, когда я приезжал в свой посёлок, на утро на пороге нашего дома уже стоял бригадир, вопрошая: «Ну что, Володя, ты ведь не отдыхать сюда приехал? У нас не хватает рабочих рук! Приходи завтра утром к Правлению! Сядешь либо на зерноуборочный комбайн, либо на сенокосилку!». И весь разговор. Я приходил и садился.

После второго курса в составе студенческого сельскохозяйственного отряда я побывал на Алтае. Ехали мы туда в столыпинском «телячьем» вагоне очень долго, как, впрочем, и обратно. Пол вагона был застелен соломой. Больше в вагоне ничего не было. Солома служила нам и постелью, и местом нашего времяпрепровождения в пути. Двери вагона были открыты полностью, чтобы не задохнуться. Окон в вагоне, естественно, не было. На Алтае мы жили в вагончиках и занимались уборкой овощных культур, в основном, картофеля.

Моя румынская история

В 1958 году осенью на основании Постановления Министерства высшего и среднего специального образования СССР в КИИ из числа лучших студентов нефтяного факультета была сформирована группа из четырёх человек для продолжения обучения в Румынской Народной Республике (городе Бухаресте). Выбор пал на двух студентов с кафедры технологии нефти и газа и двух – с кафедры процессов и аппаратов.

Нас всех пригласили в Москву и ответственные работники Министерства нам объявили, что времени на изучение румынского языка нам не даётся, и по прибытии на место мы должны немедленно начать посещать все занятия. Работники других структур нам также объяснили «как..., зачем... и почему...». Мы всё поняли и немедленно погрузились в процесс изучения языка.

По прибытии на место какое-то время заняло обустройство нашего быта. Мы, нефтяная братия (студенты КИИ, МИНХ и ГП имени И.М. Губкина, УНИ) жили в общежитии Бухарестского института нефти, газа и геологии (БИНГ и Г). В результате различных проволочек (в основном, советских) мы серьёзно опоздали с началом посещения занятий на четвёртом курсе БИНГ и Г. По окончании занятий по специальным дисциплинам ежедневно проходили и

занятия по румынскому языку. Вёл их преподаватель – румын, хорошо знавший русский язык, но сказавший по-русски нам всего несколько слов: «Здравствуйте, товарищи! Отныне мы будем говорить с вами только по-румынски». Манера его преподавания была весьма специфической. Он совершал физически какие-то действия (вставал, садился, бежал, прыгал и т.д.), произносил и писал на доске слова, их обозначающие. Слова, смысл которых он не мог продемонстрировать, он писал на доске; с помощью имевшихся при нас словарей мы немедленно постигали их смысл.

Постепенно в результате ежедневного погружения в среду носителей языка и самостоятельных занятий мы мало-помалу прогрессировали: пополнялся наш словарный запас, совершенствовалось наше произношение. Этому способствовало и то, что сами мы отказались от общения между собой по-русски. Через два – три месяца мы уже могли с грехом пополам объясняться и с преподавателями по-румынски. Но проблемы с языком ещё долго давали о себе знать.

Теперь остановлюсь на своих успехах в учёбе в румынский период. За два года обучения в БИНГ и Г я сдал 14 экзаменов по различным предметам. В Румынии в тот период действовала десяти балльная система оценки знаний студентов: 10 и 9 баллов – это, по-нашему, пятёрки, но, понятно, несколько разного достоинства; 8 и 7 баллов – это четвёрки; и, наконец, 6 и 5 баллов – это низшие положительные оценки. В итоге Ваш покорный слуга «заработал» три десятки, восемь девяток, одну восьмёрку и две семёрки. После четвёртого курса прошёл вторую производственную практику на НПЗ города Плоешть (не далеко от Бухареста). Дипломный проект выполнил на тему «Каталитическое дегидрирование бутана в бутены в кипящем слое алюмохромового катализатора». Защитил дипломный проект с оценкой «девять баллов».

Другие румынские зарисовки. Румынские студенты при сдаче экзаменов практически не пользовались шпаргалками. Но если кого-то на этом засекали, то последствия могли быть очень серьёзными: виновного (считайте за аморальное поведение), как правило, исключали из румынского Комсомола, а могли даже и отчислить из института.

В Румынии не пьют сухие вина как таковые. Вино всегда разбавляют на 30-50 % газированной водой. При заказе блюд в ресторанах клиенты обычно добавляют: «Бутылку вина и сифон». Сифон – это алюминиевый баллон с газированной водой. Тогда у румын существовали специальные пункты заправки сифонов.

Мясо в ресторанах подают не полностью прожаренным (с кровью). Когда мы, на первых порах, не привыкнув ещё к этому румынскому обычаю, просили официанта прожарить мясо, как следует, нас упорно не понимали и недоумевали по этому поводу.

В осенний период крестьяне из окрестных мест привозили в Бухарест на своих повозках

большое количество различных овощей и фруктов. В зимний же период (в праздничные дни, а то и просто в выходные и обычные дни) на улицах продавали горячее вино – глинтвейн.

Из крепких спиртных напитков широко продавали цуйку - сливовую водку (содержание алкоголя 30 % об.). Специфический напиток! Но мне он нравился. Из марочных креплёных и полусладких вин я вспоминаю «Котнари» и «Мурфотлар». А вообще марок вин у румын было множество. Но вот что странно, или я не обратил в то время на это своё внимание: не могу припомнить, чтобы румыны где-то продавали и пили пиво. Им, видимо, просто это было не нужно. Ведь у них было достаточно и вина! Поручиться за достоверность этой информации я не могу. Действительно ли румыны не производили (и не производят), не пили (и не пьют) пиво?

Студенческий Бухарест был многонациональным. Периодически в связи с национальными праздниками каждого землячества, а также в связи с общенациональными торжествами по поводу знаменательных дат, мы встречались, если можно так выразиться, на наших интернациональных корпоративных студенческих вечеринках. Будучи людьми молодыми, мы веселились по понятиям молодости. Мы, шутки ради, а порой и всерьёз (вплоть до женитьбы) объяснялись в любви на разных языках со студентками разных стран. Меня, например, одна немка усиленно обучала произносить: «Я тебя люблю!» Она много раз это повторяла по-немецки и внимательно слушала мой ответ на немецком языке, шлифуя моё произношение. Преисполнившись уверенностью в себе, я произнёс: «Ихь либе Дихь!». Она сказала, что я очень продвинулся в изучении немецкого языка. С немками объясняться было намного легче, чем с китаянками, вьетнамками и некоторыми другими студентками. Но проще всего было говорить о любви с румынками и болгарками. Именно на болгарке один из наших «куйбышевцев» и женился.

На досуге мы не только провозглашали тосты, танцевали с девушками, но и

Итак, мы, советские студенты, закончили обучение в Румынии, тепло простились с преподавателями, своими румынскими и зарубежными друзьями. Нам всем вручили дипломы о высшем образовании по различным специальностям. Тем из нас, кто обучался в БИНГ и Г, дипломы инженера вручил ректор института профессор С. Рашеев. Этим он дал нам повод готовиться к прощанию и с самой Румынией.

Сборы были недолги. Кто-то из нас перед отъездом покупал какие-то сувениры, безделушки, тряпки и прочие товары. Вашему же покорному слуге, как и всем молодым советским специалистам, предстояло вернуться тем же путём через Москву в города и институты, из которых они были командированы для продолжения обучения за рубежом. Что же я привёз из Румынии? Да ничего, кроме нескольких технических книг и чемодана вина.

Снова здравствуй, моя первая Alma Mater!

В КИИ мне объявили, что я распределён для работы ассистентом на кафедру технологии нефти и газа. Кафедрой тогда руководила Е.И. Скрипник – специалист по сернистым соединениям нефти. В беседе с ней я высказал сомнение в целесообразности начала работы преподавателем, не имея практического опыта. В итоге мы сошлись на том, что кафедра командировывает меня на два месяца на Куйбышевский НПЗ для работы в качестве оператора установки каталитического крекинга вакуумного газойля с движущимся слоем шарикового алюмосиликатного катализатора (система «Термофор»). Через два месяца я понял, что не боги горшки обжигают, и вскоре был отозван на кафедру для работы преподавателем.

В течение примерно двух последующих лет я проводил со студентами лабораторные, семинарские и практические занятия, принимал у студентов коллоквиумы, помогал лекторам принимать курсовые экзамены, руководил курсовым и дипломным проектированием, всеми видами практик. Я присматривался и к направлениям научных исследований преподавателей кафедры. Видел тупиковую ситуацию с развитием научных исследований.

По всему чувствовалось, что приближается время бурного развития новой отрасли химической промышленности – нефтехимии. К концу 1962 года я принял окончательное решение подать документы о приёме в аспирантуру на кафедру нефтехимического синтеза МИНХ и ГП им. И.М. Губкина.

Здравствуй, столица! Я снова участвую в конкурсе

Успешно сдав экзамены, я был принят в аспирантуру. Нам, аспирантам, объявили наших руководителей. Мне «досталась» в качестве руководителя С.В. Адельсон. Другие аспиранты, как мне тогда казалось, были более удачливыми: им выпало быть руководимыми Я.М. Паушкиным – основателем кафедры НХС и её заведующим, В.И. Исагулянцем, Т.П. Вишняковой. У этих трёх руководителей уже были химико-технологические достижения в области переработки углеводородов нефти и газа и других органических веществ в нефтехимические продукты. В их научных лабораториях уже были определённые запасы реагентов, посуды, средств контроля и анализа продуктов реакции. Ничего похожего у С.В. Адельсон не было. Сверхинтересную информацию получил я и от своих коллег – аспирантов. На их вопросы о том, ссылался ли я в своём реферате («Способы получения, методы исследования, свойства и области применения ПАВ») на труды их «великих» руководителей, ответил: «Нет, таковых их трудов по чисто ПАВ я в литературе не обнаружил». В ответ улыбки, смех и вопрос: «И чего же ты хотел?». И тут я окончательно понял, что пришёлся «не ко двору». Я, как и М.Г. Сафаров из Уфы, был для будущих руководителей кафедры НХС «котом в мешке». Они лучше знали «своих» выпускников и предпочтение отдавали им. Если же это были «чужаки», то брать они предпочитали тех из них, кто на их работы ссылался. М.С. Са-

фаров сослался, и его взял в аспиранты В.И. Исагулянц. Я не нашёл оснований сослаться ни на кого из поименованной четвёрки руководителей. И потому меня «сбросили» к С.В. Адельсон. Но почему? На этот вопрос есть два, как мне кажется, возможных ответа. Первый (по смыслу): «С.В.А., – получите аспиранта по имени «Отстой!». Такой ответ лично мне очень не приятен. Мне был бы более приятным другой ответ: «С.В.А., - мы понимаем, что Вам надо начинать на кафедре научно- исследовательскую работу и, принимая во внимание её предстоящий характер, предлагаем Вам в аспиранты, хотя и «кота в мешке», но всё-таки в образе мужчины. Возможно, он Вам поможет. Истинную подоплёку всех этих событий я до сих пор не знаю.

С.В.А. порекомендовала мне выбрать в качестве темы диссертационной работы: «Исследование реакции окислительного дегидрирования бутана йодом в бутадие», добавив, что в СССР этим занимаются сотрудники НИИМСК (г. Ярославль). Вскоре она добавила: «Правда, можно также заняться и исследованием реакции окислительного дегидрирования изопентана йодом в изопрен. Этим в СССР пока никто не занимается». Я сказал, что должен подумать.

Потом она познакомила меня с комнатами, где мне предстояло работать (721 и 532). Я понял, что в лабораториях ничего нет, и практически всё надо было начинать с нуля. Не было сырья, многих реактивов, не было концепции создания лабораторной проточной установки (методик дозировки сырья, йода, других реагентов, обработки и охлаждения продуктов дегидрирования). Также предстояло наладить хроматографический анализ продуктов дегидрирования. Для этого надо было сначала самостоятельно собрать лабораторный газо-жидкостной хроматограф с детектором по теплопроводности.

Я был настолько потрясён начальными условиями предстоявших исследований, что твёрдо заявил С.В.А., что я должен очень серьёзно обо всём подумать и всё взвесить, что, возможно, я и не приму Ваши предложения. С.В.А. этими моими словами была очень сильно огорчена. Я это видел, но и самому мне, терзавшемуся многими сомнениями, было далеко не приятно.

На некоторое время я ушёл в себя, стал всё детально осмысливать и анализировать; составлял возможные альтернативные варианты различных технических решений, касающихся создания гибкой схемы лабораторной проточной исследовательской установки; совершал многочисленные мозговые атаки в направлении достижения важнейшей и первоочередной цели – сборке, наладке и калибровке газо-жидкостного хроматографа.

Далее я перешёл и к моторным действиям: рыскал по магазинам г. Москвы «Химреактивы», «Медоборудование», «Электротовары», «Хозтовары», «Радиотовары» и многим другим, изучая ассортимент и стоимость необходимых мне товаров; познакомился с аспиранта-

ми и сотрудниками кафедр ХТФ и изучил их опыт в создании проточных лабораторных установок. Мысленно я очертил круг стоявших передо мной задач, ранжировал их по оси времени и очерёдности решения и вышел на «финал» – долгожданное время возможного начала проведения первых моих экспериментов. Печаль моя усилилась.

Тем временем надо было принимать решение. Оно зависело только от меня. Я мог хлопнуть дверью и уйти из аспирантуры, и не было силы, которая бы могла меня удержать. Но, оценив ещё раз всё материальное и временное, я пришёл к выводу, что стоящие передо мной задачи, хоть и с большим трудом, но выполнимы! Выполнимы то да, но надо потратить 6 месяцев на подготовку установки и хроматографа к первым опытам. Это означало угрозу возможности защиты диссертации в срок. И угроза эта более чем реализовалась.

Вызов судьбы

В итоге я принял лучшее из возможных решений: не противиться и принять вызов судьбы. Через несколько дней я, встретившись с С.В.А., сообщил ей, что выбираю в качестве темы диссертационной работы ещё не изученный процесс окислительного дегидрирования изопентана йодом в изопрен. Но до начала экспериментов было ещё 6 месяцев. Этот срок я определил почти точно. А чем же я сам занимался эти полгода? Я с головой ушёл в изучение научной литературы по теме диссертации, одновременно контролировал ход исполнения всех моих заказов в стеклодувную и механическую мастерские, в отдел снабжения института; контролировал многие другие работы.

Самую же большую материально-техническую помощь мне в приобретении оборудования и приборов для монтажа лабораторной установки и хроматографа оказал заведующий лабораторией кафедры НХС А.И. Борисов. У него был сложный характер. Он никому никогда не давал ничего по первой просьбе. В отношениях с ним я был достаточно деликатен. Я просто доверительно обсуждал с ним стоявшие передо мной проблемы, излагал, что мне нужно и для чего. И спрашивал его, не может ли он мне чем то помочь. Он говорил, что подумает, и я уходил.

В итоге я получил от него очень многое. Именно А.И. Борисов всячески способствовал быстрому изготовлению через стеклодувную мастерскую по моим рабочим чертежам множества элементов (модулей) будущей лабораторной установки: реакторов, подогревателей-испарителей, холодильников-конденсаторов, ловушек и прочих стеклянных изделий. Через механическую мастерскую по предоставленному мною образцу были изготовлены дозаторы для дозирующих систем установки. По рабочим чертежам в механической мастерской было изготовлено и несколько больших по объёму металлических газометров. Самый ответственный блок газо-жидкостного хроматографа – детектор по теплопроводности с функциями управления током моста и масштабом записи хроматограмм был изготовлен по нашему зака-

зу ГИПРОКАУЧУКом.

В последствии заведующий лабораторией оказал решающее влияние и на модернизацию всей системы дозировок реагентов на всех лабораторных проточных установках кафедры.

Благодарен я также и механику кафедры А.Н. Картинину, много помогавшему мне своими советами и разрешавшего время от времени пользоваться его инструментами при выполнении мною монтажных работ.

Если ничего не делать – время течёт медленно. Если же у вас большой объём работ – время течёт стремительно, его сжимают заботы. Не успел я оглянуться, как прошло полгода. Но уже была готова и протестирована лабораторная установка. Был собран и откалиброван газо-жидкостной хроматограф. Ну что, читатель, Вы полагаете, что пора начинать проводить эксперименты? Пора догонять потерянное время? Я тоже так считал. И бросился догонять. Но оказалось, что время догонять следует, не спеша и осторожно. Я не всё до конца продумал. Равномерность дозировки изопентана нарушалась, пришлось модернизировать систему дозировки сырья, систему дозировки йода в реактор дегидрирования (йод стали подавать в виде водного раствора йодистоводородной кислоты).

В 1965 году я закончил эксперименты. Предстояла обработка результатов исследований, написание и защита диссертации. Как-то вечером аспирант Коля Марьяшкин задал мне вопрос: «Ну что, Никонов, ты закончил проводить эксперименты?». Я ответил, что вроде бы да. Тогда он, изображая из себя футболиста, без всякого предупреждения примерно с восьмиметровой отметки нанёс страшный удар футбольным мячом в сторону моей лабораторной установки. К счастью в жизненно важную её часть он не попал: удар пришёлся по полупустым металлическим газометрам, которые немедленно отозвались своими басовыми металлическими голосами. Мяч отскочил, и Коля, войдя в раж и набегая на него, повторно поразил мои газометры. Они возмутились, ответив ещё более выразительными басами. Возмутился и я, крикнув: «Коля, опомнись! Что ты делаешь, варвар?». Коля опомнился, но сам так и не стал защищать свою кандидатскую диссертацию по исследованию ферроценсодержащих соединений.

В лаборатории мономеров научно-исследовательские работы проводились в следующих трёх направлениях:

- Исследование и разработка процесса окислительного дегидрирования изопентана йодом в изопрен;
- Исследование и разработка процессов гомогенно-инициированного пиролиза углеводов;
- Исследование и разработка процесса каталитического пиролиза углеводов.

Работы велись в тесном сотрудничестве с отраслевыми научно-исследовательскими и проектными организациями: Гипрокаучук (г. Москва), НИИМСК (г. Ярославль), НИИСС (позднее ВНИИОС, г. Москва). Промышленные испытания процессов проводились на Стерлитамакском опытно-промышленном заводе СКИ-3, Новокуйбышевском заводе синтетического спирта и на Ангарском НХК.

В разные годы под моим руководством представили и защитили свои кандидатские диссертации 4 человека. В конце восьмидесятых годов лаборатория мономеров готовила обзорные материалы по результатам исследований или к какой-то конференции, или к публикации в журнале. Прочитав написанную мною часть, С.В.А. воскликнула: «Владимир Иванович, так это же готовый доклад по докторской диссертации!». Я отозвался молчанием.

В восьмидесятые годы лаборатория мономеров через ВНИИОС сотрудничала по процессу каталитического пиролиза с американской фирмой Lummus Crest Inc. На деньги фирмы в 1991 году сотрудники лаборатории совершили недельную туристическую поездку в Грецию. На эти же денежные средства были куплены первые на кафедре НХС два компьютера (лучше 386-х тогда в продаже не было – действовал железный занавес).

Столица, теперь я твой навсегда

В 1966 году произошло три важных события в моей жизни: я женился, защитил кандидатскую диссертацию и был принят на работу ассистентом на кафедру НХС МИНХ и ГП имени И.М. Губкина. К слову о женитьбе. Свою будущую жену я «увёл» из лаборатории Т.П. Вишняковой, переподчинив её, уже как сотрудницу лаборатории мономеров, С.В. Адельсон. Моя жена, Никонова М.М., защитила свою кандидатскую диссертацию в 1967 году. У меня две дочери – Наталья и Анна, внук Валера – ученик 5-го класса средней школы и собачка по имени Даша. Я их всех очень люблю.

Через настоящее отношу себя к человеку скорее из прошлого, чем из будущего. Я вместе со страной прошёл весь этот путь: сталинский (созидательно-репрессивный), хрущёвский (созидательный, но с его кукурузой и совнархозами), брежневский (застойный), горбачёвский (перестроечный), ельцинский (с его демократическими основами, но и с чубайсовщиной), путинский (отступнический, выхолостивший конституцию страны). Сейчас мы все проживаем медведевский дуалистический период пути. Так, когда же мы начнём развиваться, как другие (хочется сказать «цивилизованные», но язык не поворачивается) страны? Ответ я не даю. Я замолкаю от щемящего чувства безысходности.

Есть ещё важный вопрос моего отношения к дням уже минувшим – к СССР и КПСС. Я – дитя того времени. Исповедую принцип «отрицания отрицаний». Я отрицаю точку зрения тех, кто считает СССР и КПСС гримасой истории. Я не могу отрицать самого себя. Это была моя жизнь! Я знаю, что были недостатки, даже преступления, но ведь было же и много хо-

рошего! Я знаю, что большинство членов партии были настоящими и преданными людьми, искренне верившими в идеалы коммунизма. А то, что среди них были и нехорошие люди (мерзавцы), это, пожалуй, закон социума для любого общества. И ещё, в чём я уверен твёрдо: если бы не СССР, то лично мне не суждено было бы никогда вырваться из своего деревенского круга, получить образование, выйти в люди, стать человеком! Мне больше некого благодарить за это, кроме СССР и КПСС.

Хочу также коснуться и своего общественного лица. Я прошёл путь от пионера до комсомольца. Меня даже долго готовили к членству в партии, но так и не подготовили. Какой-то внутренний стержень во мне сопротивлялся этому, может быть, это был голос интуиции. В пределах дозволенного (ведь моя кличка «б/п» настораживала партийных руководителей) я принимал участие в профсоюзной жизни факультета, изучал вместе с членами партии нетленные труды классиков марксизма-ленинизма; как все, выступал с докладами, доказывая абсолютную истинность учений наших великих вождей и учителей. Спасибо партийным руководителям факультета за то, что они мне, как б/п, всё-таки доверяли неоднократно руководить студентами при проведении сельскохозяйственных работ в совхозе Озёры. Там я, проявив чудеса, можно сказать, героизма и организаторских способностей по уборке урожая, был удостоен почётной грамоты с ликом Ильича. Лик был слева внутри грамоты, текст – справа. Подписи и печать (ну как же без них?), разумеется, присутствовали.

Не спрашивайте меня об отношении к ультрасовременной ситуации в России! Мысли мои тягостны. Мой прогноз на будущее не оптимистичен и не скор. Есть застой. Нет развития. Не дуют свежие ветры перемен. А их так хочется! В первую очередь нужно, чтобы Конституция России вновь заработала. Власть ничего не делает и всеми силами консервирует существующее положение. Но вечно так продолжаться не может. В этом я тоже уверен. Хочется хорошего выхода из положения, а не плохого. Но чувствует ли это власть? У неё что – нет интуиции?

Что я за человек? На этот простой вопрос не существует однозначного ответа. По своим психическим характеристикам, эмоциональному складу души и характера отношу себя к 100 процентному холерику. В молодости от неведомой причины я мог взорваться, как небольшая водородная бомба, нанося существенный урон окружающим. С возрастом мне стало удаваться более успешно контролировать свои эмоции и поступки. Но абсолютной гарантии на будущее я никому не даю. Настоятельно рекомендую всем обращаться со мной, как с весьма взрывоопасным и горючим объектом. Я всё ещё могу! Не люблю, когда в разговоре переходят к оскорблению личности собеседника. Всегда даю отпор наглостям, хамству, узурпаторству, несправедливости. Искренне любя студентов, стремлюсь к ненанесению им физических травм. Устанавливаю со студентами только нам одним известный демократический режим и

только нам одним известный режим требований. В остальном – 100 %-я демократия, как в США. С удовольствием помогаю расти уже выросшим, а также тем, кто ещё не дорос, но работает. Не люблю бездельников, лодырей, наглецов и всяких прочих нехороших людей (включая студентов), стремящихся не мытьём, так катаньем, как-то проскочить. Ненавижу лицемерие, враньё, предательство, стяжательство, распутство, загульный образ жизни. Осуждаю непоследовательную (двурушническую) политику правительства страны в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Стремлюсь оказывать посильную помощь нуждающимся.

Я много лет проработал в тесном сотрудничестве со своими коллегами – преподавателями, бывшими и настоящими студентами, аспирантами и научными сотрудниками и смею, с Вашего позволения, предположить, что это сотрудничество было взаимно-приятным и творческим. Приобретя большой опыт в проведении и организации научных исследований, я теряюсь при ответе на вопрос, кому я это всё могу передать. В моей жизненной судьбе – линии моей жизни, как и в математической функции, произошёл «разрыв непрерывности». И этот «разрыв» взрывает моё сердце.

Вместо эпилога

Заявляю во всеуслышание: жизненный и профессиональный опыт, который я приобрёл, был дарован мне самой судьбой и, конечно, «происками банды трёх».

Я несколько не огорчаюсь, что отказался защищать докторскую диссертацию. У меня к тому были веские не озвученные Вам причины.

Я горжусь тем, что никого не предал, никому не подставил подножку. Как мог, помогал всем.

Но есть у меня и не прощённая самому себе вина. Я много лет работал с Б.Л. Иванковским. Он был мягким, отзывчивым и исполнительным инженером. Я его использовал на работе по полной программе. Часто повышал на него голос (Вы не забыли, что тогда я был намного моложе?). А он смиренно и безропотно всё выслушивал, но делал. И в какой-то момент по прошествии многих лет он не выдержал и уволился. Я воспринял это его решение, как символическую пощёчину в свой адрес. Я её заслужил! Это невнимание к его судьбе, отсутствие предложения ему с моей стороны темы для диссертационной работы долго вызывало и вызывает до сих пор в моей душе чувство неискуплённой вины.

Другой пример. Лаборатория мономеров так и не выпустила в кандидаты наук Н.И. Лебедеву (Н.И. Рыбакову). Но здесь я признаю свою вину лишь частично, опосредованно, так как Н.И. Рыбакова находилась под непосредственным руководством С.В. Адельсон. Но всё равно – жаль! Как по пословице: кого любим – не ценим, а потерявши – плачем! Н.И. Рыбакова повторила путь Б.Л. Иванковского. Она тоже уволилась.

В канун пятидесятилетнего юбилея кафедры ТХВ - правопреемницы кафедры НХС от

всей души поздравляю заведующего кафедрой профессора М.А. Силина, всех преподавателей, научных сотрудников, студентов, аспирантов и выпускников кафедры с праздником! Счастья Вам всем, здоровья и многих лет жизни во благо Ваших семей, Нашей общей специальности, Нашей общей судьбы! Да здравствует кафедра ТХВ!

Глебов Л.С.- Директор Департамента нефтегазо-
химии ОАО «НК «Роснефть»,
д.х.н., профессор, выпускник МИНХ и ГП
им. И.М.Губкина 1972 г.

Расскажу, как в 1967 году я стал студентом группы НХС-67-5 химико-технологического факультета МИНХ и ГП имени И.М. Губкина.

Учился я в средней школе №722 Краснопресненского района г. Москвы. Большинство моих одноклассников собирались поступать в Московский авиационный институт (МАИ), решающее значение имело расстояние - от школы до МАИ можно было доехать на трамвае за 10 минут. Мама и две мои тетушки, по профессии авиационные инженеры-конструкторы, настаивали на моем поступлении именно в МАИ.

Я же всерьез увлекался химией, которую в школе преподавала замечательная учительница Васильева Вера Васильевна. Она предложила принять участие в районной олимпиаде по химии, где мне удалось занять первое место.

Меня направили защищать честь школы на Московскую химическую олимпиаду, которая проводилась на химфаке МГУ им. М.В. Ломоносова. Помню, что с теорией и задачами справился, но впереди был сложный экспериментальный тур. Мне предстояло получить треххлористую сурьму и исследовать ее свойства. Работа проводилась в одной из лабораторий химфака на втором этаже. Сообразив, что мне понадобятся сурьма и хлор, я попросил реактивы у лаборантов. Сурьму мне дали, а хлор предложили получить самостоятельно. Пока я вспоминал, как получают хлор в аппарате Киппа, все целые аппараты в препараторской разобрали, и пришлось собирать самому нечто его заменяющее. Времени на проведение опыта оставалось мало. Я ускоренно прикапывал соляную кислоту к оксиду марганца. В какой-то момент из колбы выбило пробку, и едкий хлор (хотя опыт проводился под тягой), стал заполнять лабораторию. Лаборанты химфака, видимо привыкшие ко всему, быстро закрыли тягу и распахнули окна в лаборатории.

Едва откашлявшись от хлора, я все-таки получил треххлористую сурьму, но времени на исследование ее свойств уже не хватило. В итоге мне вручили грамоту, и вопрос, кем быть, был для меня решен.

До возможного призыва в армию я настроился сдавать экзамены четыре раза: два раза на химфак МГУ (дневное и вечернее отделения) и два раза в институт химического профиля (на дневное и вечернее отделения).

Экзамены на химфак МГУ начинались 5 июля, и времени на подготовку оставалось чуть больше недели. Предстояло сдать пять экзаменов: математику (письменно и устно), фи-

зику (устно), русский язык (сочинение) и химию (устно) - именно в такой последовательности. Конкурс на химфак в 1967 году был около 8 человек на место.

Предварительно абитуриенты проходили медицинскую комиссию, где проверяли обоняние. Мне дали два пенициллиновых пузырька с прозрачной бесцветной жидкостью, и попросили определить запах. В одном пузырьке жидкость пахла, как мамины сердечные капли, а в другом, как я ни старался унюхать, не пахла ничем. Так и сказал, что первый пузырек пахнет сердечными каплями, а второй – без запаха. Ответы оказались правильными, во втором пузырьке была вода.

После двух математик конкурс на химфак снизился вдвое. Я подавал заявление на кафедру химии нефти. Набрал 12 баллов по двум математикам и физике (4+4+4) пришел на экзамен по химии. Экзаменационная комиссия объявила, что на подготовку ответов по билету дается один час, и посоветовала начать с задачи. Такого типа задачи были на олимпиаде. Они содержали заведомо избыточные данные, которые требовалось сначала исключить для получения правильного решения. После решения задачи, на подготовку ответов по билету оставалось минут 5. В аудитории появился Сергей Сергеевич Чуранов, известный ученый, который вручал грамоты Московской химической олимпиады. Прошел по рядам, узнал меня, увидел решение задачи и предложил комиссии не спрашивать меня по билету, а спросить что-нибудь более интересное. Пришлось рассказывать все, что знал про кислородные соединения хлора, хотя этот вопрос выходил за рамки школьной программы. Экзаменационная комиссия поставила мне пятерку. В итоге я набрал 17 баллов, а проходной балл на кафедру химии нефти химфака МГУ оказался 18.

Не найдя своей фамилии в списках поступивших, расстроился и пошел забирать документы. Приемная комиссия абитуриентов с 17 баллами приглашала на кафедру радиационной химии МГУ, я отказался.

В вестибюле химфака стояли столы, за которыми работали выездные приемные комиссии нескольких московских вузов, в том числе Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева, Московского института тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова и Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина. Во всех трех институтах готовили инженеров по специальности нефтехимический синтез. Нам предлагали не сдавать экзамены, а прямо со своими результатами участвовать в конкурсе. Предложения казались заманчивыми, но надо было выбрать один из трех институтов, поскольку в то время абитуриентам не разрешали подавать документы в несколько вузов одновременно.

Я выбрал МИНХ и ГП имени И.М. Губкина, потому что всей стране была известна лучшая студенческая команда КВН и ее капитан Ярослав Харечко. В приемной комиссии

мне объяснили, что на химико-технологическом факультете в зачет пойдут баллы лишь трех экзаменов: по математике (устно), физике и химии. На мой вопрос, хватит ли набранных 13 баллов для поступления, ответили, что, судя по прошлому году - да, но гарантировать невозможно, поскольку все зависит от конкурса. Я снова сдавал экзамены и набрал те же 13 баллов. Проходной балл в 1967 году на химико-технологический факультет оказался 12.

Так я стал студентом первого курса ХТФ МИНХ и ГП имени И.М. Губкина, который окончил с отличием в 1972 году по специальности инженер-технолог основного органического и нефтехимического синтеза.

На первом курсе я подружился с красивой и умной девушкой из своей группы, с которой мы вместе готовились к экзаменам, встречали рассвет на Ленинских горах и после 4 курса поженились. В нашей семье родилось трое детей.

С тех давних пор род занятий, также как и жену, не менял, хотя места работы были разные: Институт нефтехимического синтеза имени А.В. Топчиева РАН, РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, ОАО «НК «Лукойл», ОАО «Газпром», ОАО «НК «Роснефть». Я и сейчас продолжаю профессионально заниматься нефтехимией.

Оглядываясь на 42 года назад, я задаю себе вопрос, а как бы сложилась моя жизнь и судьба, если бы я набрал 18 баллов при поступлении на химфак МГУ?

Соколов Б.Ф.- к. х.н., литературный редактор
Изд.Дома «GameLand», выпускник МИНХ и
ГПИ им. И.М.Губкина 1967 г.

Светлой памяти Тамары Петровны Вишняковой

«Борис, Вы меня просто удивляете!»

Эту сакраментальную фразу – воспитывающую, поправляющую, порицающую неразумные действия, удерживающую от неверного шага, произносимую в надежде на здравый смысл нерадивого ученика – я частенько слышал от Тамары Петровны в свои аспирантские годы.

Вероятно, в жизни многих случается так, что, будучи «поставленными на крыло» родителями, они в дальнейшем встречают человека, который на многие годы определяет их жизненный путь, судьбу, если хотите. Таким человеком стала для меня Тамара Петровна Вишнякова. Если принять во внимание, что мой путь к встрече с ней был далеко не «векторным», изобилующим разного рода привходящими моментами, то, по моему разумению, итог нельзя считать случайным.

А начался этот путь в 1962 году с моей попытки поступить на химфак МГУ, и не просто на химфак, а на специальность «Радиохимия». Тогда в самом разгаре была распря между «физиками» и «лириками», у тех и других популярностью пользовался фильм «9 дней одного года». Потребовалось время, чтобы понять, что в ту пору важен был даже не победный счет той или иной стороны, а глоток свободы, позволивший расправить плечи, вдохнуть полной грудью и почувствовать свою ответственность за тектонические, как нам казалось, сдвиги в общественном сознании и причастность к происходящему. С течением времени предмет спора сошел на нет, а на место ярко выраженных тогда технарей и гуманитариев пришло нечто, – название которому в лучшем случае созвучно термину, напоминающему химический, – амбивалентное.

При невиданном в тот год даже для МГУ конкурсе более 20 человек на место соискателю требовалось набрать 15 баллов из 15 по профилирующим предметам. Сдав физику и химию на пятерки, я оскандалился на математике и со своими 13 баллами стал заведомо «непроходным»; тем не менее экзамены сдал все, получил о том соответствующую справку и отправился искать счастья в другие вузы. В двух «конкурирующих» фирмах – им. Д.И.Менделеева и им. М.В.Ломоносова – предлагалось сдавать всё сначала. И вот в этот момент своего рода знаком свыше послужило вывешенное у входа на химфак МГУ объявление о начале приемных экзаменов в МИНХ и ГПИ

им.И.М.Губкина. Мало того, на его химико-технологическом факультете была специальность «Радиационная химия»! Для 17-летнего мальчишки никакого отличия от «радиохимии» не было. Так я стал студентом в группе РХ-62-5.

Теперь, по прошествии многих лет, я продолжаю испытывать самые теплые чувства к alma mater и понимаю, что никакое другое учебное заведение не дало бы мне такой широты кругозора в той специальности, которую я в конечном итоге получил. Студентам первого курса «городское» общежитие не полагалось, их пристраивали в «предместьях», таких как Воронцово, Коньково, Деревлёво, которые уже давно поглотил мегаполис. Мне довелось делить комнату в воронцовской избушке с тремя ребятами, учившимися на специальности ТХВ. Кстати говоря, наша четвёрка так и дошла в неизменном составе до самого выпуска, не расставаясь при всех общежитских переездах. Результатами учебы на I курсе похвастаться не могу, хотя на втором взялся за ум. Однако после III семестра, почувствовав угрозу надвигающегося сопромата в лице «Сан Саныча» Русецкого, принял превентивные меры и, получив как согласие на перевод на специальность ТХВ Василия Николаевича Демишева, так и «вольную» от Георгия Митрофановича Панченкова, воссоединился на три года со своими товарищами в группе ТХВ-62-8. Лекции по сопромату нам читал милейший Андрей Петрович Степанов, математику – уникальный, по-нашему мнению, и полюбившийся всем Ярослав Борисович Лопатинский. А еще я стал получать невиданную по тем временам стипендию в 52 рубля!

Мой переход на другую специальность оказался в некотором роде следующей узловой точкой на пути к кафедре НХС. Очередной «точкой перегиба» послужила трагическая гибель одного из дипломников ТХВ при взрыве в лаборатории в 1965 году. Специальность закрыли, а нас распределили по кафедрам технологии переработки нефти и технологии нефтехимического синтеза. И до самого выпуска в июле 1967 года я был в группе НХС-62-8. В качестве еще одного шажка можно считать выбор мною экспериментальной части диплома как основной. Так я стал дипломником в лаборатории, руководимой Тамарой Петровной Вишняковой и располагавшейся на 7 этаже в к.718. Моим наставником в технике эксперимента был тогдашний аспирант Тамары Петровны Автандил Александрович Коридзе, блистательный химик-синтетик, что подтвердилось его дальнейшей карьерой ученого. По-видимому, одной из причин, по которой наша руководительница обратила на меня внимание, было то, что я находился в лаборатории ежедневно с утра до вечера, следуя и в этом своему наставнику. Незадолго до защиты диплома я по собственной воле распределился в Союзную Контору «Оргнефтезаводы», координировавшую деятельность пуско-наладочных бригад Миннефтехимпрома. На

поступление в аспирантуру сразу по окончании института я не мог рассчитывать, поскольку итоговый средний балл, «просевший» из-за моего легкомыслия на I курсе, не оставлял никаких шансов. Тем не менее Тамара Петровна поддержала мое желание работать и дальше в той области, с азами которой я соприкоснулся в руководимой ею лаборатории. Забегая вперед, скажу, что пуско-наладочные бригады дали мне настолько ценнейший производственный опыт, что и спустя годы я достаточно свободно ориентировался в технологических особенностях различных производств – от газопереработки и противокоррозионной защиты нефтепромыслового оборудования (Нижевартовск) до переработки пластмасс, обследования и ремонта магистральных нефтепроводов (компания «Транснефть») и промышленного получения неорганических солей (Воскресенский химкомбинат).

В течение двух лет по окончании института, бывая проездом в Москве для получения очередной командировки на то или иное предприятие (Ангарский НХК, Рязанский НПЗ, Ново-Горьковский НПЗ, Куйбышевский НПЗ), я неизменно получал от Тамары Петровны подтверждение её намерения взять на себя груз руководства еще одним аспирантом, моральную поддержку и советы по подготовке к вступительному экзамену по специальности. Так я подготовил требуемый реферат по будущей специализации, проштудировал учебник по технологии нефтехимического синтеза, одним из авторов которого была Тамара Петровна, и в сентябре 1969 года предстал перед корифеями – Я.М.Паушкиным и В.И.Исагулянцем, отнесшимися ко мне благосклонно: стоит ли говорить, что их одобрение моей кандидатуры было обусловлено решимостью Тамары Петровны принять меня под свои знамёна. В октябре 1969 года я был зачислен в аспирантуру, и потекла аспирантская жизнь. Не всё было гладко как в работе, так и в отношениях с научным руководителем, но в одном я уверен твёрдо: я ни разу не дал повода усомниться в серьезности моего отношения к труду, никто не упрекнул бы меня в том, что я манкирую своими обязанностями. Видимо, не в последнюю очередь по этой причине я в полной мере испытал заботу Тамары Петровны о своих аспирантах, которая проявлялась, в частности, в проведении их по какому-либо направлению кафедральных работ в рамках программы научно-исследовательского сектора (НИС). Обычно это выражалось в 0,5 ставки младшего научного сотрудника и исчислялось 52,5 руб., что давало возможность, при некотором бытовом аскетизме, не только посещать театры и концертные залы, но и тратить деньги на необходимую специальную литературу, каковая насчитывала к концу моего аспирантского срока десятки изданий. Требования же к фактической отдаче от подобного совместительства были довольно щадящими и состояли чаще всего в отклике на какие-либо оперативные нужды лаборатории, учебного

практикума или кафедры. Так, запомнилась поездка в качестве экспедитора зимой, в открытом кузове грузовика, на оптовый склад химреактивов в Купавну: требовалось срочно «выбрать» заявку кафедры на весьма внушительный список реактивов и растворителей, а штатных сотрудников, занимающихся этим, в тот момент не оказалось. Стоит ли говорить, как я вырос в собственных глазах и в глазах «самого» Алексея Ивановича, заправлявшего хозяйством всех лабораторий кафедры, от успешного выполнения этой акции!

Была у питомцев Тамары Петровны еще одна привилегия: прикрепление лаборанта в помощь тому или иному аспиранту. И если совместительство по НИСу я получил уже со второго года аспирантуры, то, забегая вперед, скажу, что из-за своей строптивости я этой привилегией так и не воспользовался, проделывая всю так называемую черновую работу самостоятельно. А занимала эта работа значительную часть времени. Подобно тому как Маяковский «единого слова ради» изводил «тонны словесной руды», я для получения нескольких граммов ферроценилацетилена – мономера для дальнейших реакций сополимеризации – затрачивал порой не одну неделю упорного труда только на наработку необходимого количества предпоследнего в этом цикле соединения – ферроценил-бета-хлоракролеина. Думаю, такой объем дополнительной «черновой» работы был для меня полезен не только с «воспитательной» точки зрения. Он выработывал столь необходимые для химика-синтетика дисциплину, аккуратность, ответственность.

Так получилось, что изначально выбранная тема диссертационной работы «не пошла», и в течение первых полутора лет я пожинал горькие плоды неудач – этого неизбежного спутника экспериментальной работы в любой области. По счастью, ситуацию удалось переломить: корректировка темы в рамках того же «ферроценового» направления оказалась настолько успешной, что большую часть эксперимента удалось закончить в срок, однако кое-что необходимо было доделывать уже после формального окончания аспирантуры; с разрешения Тамары Петровны я занимался этим в ее лаборатории по выходным. По окончании трехлетнего аспирантского срока летом 1972 года я представил «заготовку» диссертационной работы для прохождения процедуры «предзащиты» на кафедре. При всей «сырости» материалов, что вполне понятно, учитывая незавершенность эксперимента, они были приняты на заседании кафедры доброжелательно, к радости не только моей и моего научного руководителя, но и нашей «аспирантской мамы» – незабвенной Марии Александровны Жиркевич, живой легенды, некогда сотрудницы академика И.М.Губкина, много лет возглавлявшей аспирантуру института.

В связи с необходимостью не только завершить эксперимент, но и качественно описать его, я с помощью Тамары Петровны получил распределение по месту жительства – на Коломенский тепловозостроительный завод, инженером-исследователем в бюро ГСМ, где занимался изучением процессов окисления смазочных масел в дизелях. Сама по себе тематика работы была интересной, кроме того, ее успеху немало способствовали навыки и знания, в том числе по ИК-спектроскопии, полученные на кафедре НХС и определившие на несколько лет род моих занятий в бюро ГСМ. К сожалению, в структуре машиностроительного предприятия, где инженерный корпус представлен лишь конструкторами, механиками и «металлистами», мои исследовательские порывы наталкивались нередко на непонимание не только руководства, но и коллег; как это порой случается, непонимание выливалось и в своего рода материальную «дискриминацию», что в результате послужило причиной моего ухода с завода через 4 года.

Через год после окончания аспирантуры, к осени 1973 года, я фактически закончил написание диссертации, получил одобрение Тамары Петровны и «встал в очередь» на защиту. Надзирал за записью в очередь и продвижением по ней соискателей секретарь Ученого совета химико-технологического факультета. Так получилось, что в течение почти полутора лет со дня моей постановки «на учет» он «продвигал» преимущественно представителей братских республик Кавказа и Средней Азии. Думаю, что, если бы не вмешательство Тамары Петровны и не ее личное обращение к Председателю Ученого совета факультета, я остался бы за бортом. Результат ее заступничества – моя защита в феврале 1975 года. Понятно, что в течение всего подготовительного этапа Тамара Петровна «держала руку на пульсе», касалось ли это отзывов, выбора оппонентов и т.н. Ведущего предприятия – Лаборатории высокомолекулярных соединений ИНЭОС АН СССР, возглавлявшейся С.Л.Сосиным. Несомненно, что созданный мне «режим наибольшего благоприятствования» был результатом высокого научного авторитета Тамары Петровны в среде ее коллег и огромного уважения к ней как к личности.

Даже после успешной защиты Тамара Петровна не оставляла меня своим попечением. Когда после утверждения диссертации в ВАКе в июне 1975 года прибавка к моей зарплате на заводе составила 15 рублей, это стало поводом для поиска другого места работы. По личному ходатайству Тамары Петровны, а также благодаря неоценимой помощи ее мужа, Анатолия Исааковича, занимавшего высокий пост в Министерстве газовой промышленности – и это при том, что я был знаком с ним лишь заочно, – я был принят на работу в Западно-Сибирский Комплексный отдел института «ВНИПИ-ГазПереработка», находившийся в Нижневартовске, а через год стал начальником отдела по защите нефтепромыслового оборудования ЦНИЛ ПО «Нижневартовскнефте-

газ». Всё же нацеленность на исследовательский характер работы и потребность в «стабилизации» жизненных условий – к тому времени у меня уже была семья – привели меня к родным пенатам, в лабораторию полимерных покрытий ВНПО «Радуга» Минводхоза СССР, где я проработал много лет.

По-разному складывались жизненные обстоятельства, но я всегда чувствовал поддержку Тамары Петровны, ее понимание и безграничную доброту. Она всегда служила для меня примером благородства, преданности своему делу, высочайшей организованности, самодисциплины, требовательности к себе, доброжелательного отношения к людям, жизнестойкости.

Последний раз я слышал ее голос по телефону 4 апреля 2009 года, за несколько дней до ее кончины.

Жагфаров Ф.Г.- д.т.н., профессор кафедры газохимии, выпускник МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1977 г.

С профессором Софьей Валерьяновной Адельсон я познакомился еще во время учебы в институте и не думал, что впоследствии я буду работать под её началом. Но судьба распорядилась именно так, и в 1977 году я стал работать в отраслевой лаборатории мономеров кафедры нефтехимического синтеза, где Софья Валерьяновна была научным руководителем. В это время в лаборатории разрабатывали катализаторы для процесса каталитического пиролиза углеводородного сырья и я активно включился в эту работу. В те годы лаборатория насчитывала 10 сотрудников, 5 аспирантов. Сотрудникам лаборатории приходилось часто бывать в командировках в связи с внедрением процесса каталитического пиролиза в разных городах. В жизни нашей лаборатории было очень много интересного. Конечно, мы по этой работе были тесно связаны с отраслевым институтом ВНИИОС (Всесоюзный научно-исследовательский институт органического синтеза).

Однажды, когда я был в очередной командировке на заводе синтетического спирта в городе Новокуйбышевске, вечером мне позвонила в гостиницу Софья Валерьяновна и сказала, чтобы я заехал в филиал ВНИИОСа и попросил себе в помощь сотрудника для отбора проб, поскольку она договорилась об этом с зав. отделом пиролиза ВНИИОС Мухиной Тamarой Николаевной. Действительно, на следующий день мне прислали девушку, которую звали София, и которая через несколько месяцев стала моей женой. Вообще вся кафедра знала, что попадая в нашу лабораторию люди быстро выходили замуж или женились. На кафедре так и говорили, что если хочешь жениться или выйти замуж, переходи в лабораторию Софьи Валерьяновны, у нее легкая рука на эти проблемы.

Софья Валерьяновна была очень дружна с Ярославом Михайловичем Паушкиным и советовалась с ним по многим вопросам. У нее была любимая фраза «Чудес на свете не бывает». Однажды меня вызывает Софья Валерьяновна и говорит, что Ярослав Михайлович предложил попробовать провести пиролиз глицерина с водяным паром на моем новом катализаторе, и что он считает, наверняка будет хороший эффект, т.е. мы получим высокий выход низших олефинов. Я начал проводить пиролиз глицерина, и буквально через час катализатор закоксувался, а олефины получить не удалось. Софья Валерьяновна сказала об этом Ярославу Михайловичу, а тот ответил: «Софья Валерьяновна! Я понимаю, что чудеса на свете если и не бывают, то рождаются».

Я счастлив, что мне удалось поработать с замечательным педагогом, учителем, пре-

красной женщиной и хорошим собеседником-Софьей Валерьяновной Адельсон.

Я горд тем, что окончил нашу кафедру, что судьба подарила мне замечательных педагогов. Поздравляю тебя, родная кафедра, с юбилеем!

Толстых Л.И. – к.х.н., доцент кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускница МИНХ и ГП им. И.М.Губкина 1970 г.

Многое в моей жизни определил мой отец, в том числе и направление моего образования. Я после школы хотела поступать в Институт иностранных языков, но отец видел меня студенткой только губкинского института. Это было время химизации народного хозяйства (середина шестидесятых), а я была серебряной медалисткой, и, сдав профилирующий экзамен (химия, разумеется), оказалась на химико-технологическом факультете на кафедре НХС. И ни разу мне не пришлось пожалеть о сделанном выборе.

Проходят годы, а я все чаще вспоминая моего отца, не перестаю удивляться тому, как много может вместить в себя не такая уж длинная человеческая жизнь.

Мой отец, Иван Федорович Толстых, родился в 1920 г. в Липецкой области в простой крестьянской семье. В 1936 г. он поступил в Елецкое педагогическое училище, после окончания которого в 1939 г. преподавал географию в сельской школе, был директором школы. Здесь же, в селе Орево Орловской области встретил свою жену - мою маму.

В начале августа 1941 г. отец добровольцем ушел на фронт в составе сформированного в г. Орле коммунистического батальона, оказался на Центральном фронте, а 12 августа 1941 г. был ранен в первый раз. После госпиталя вернулся в строй, 28 января 1942 г. в боях под Москвой был ранен вторично. Снова госпиталь. Затем Сталинградский фронт, новое ранение в декабре 1942 г. Затем - Брянский фронт, тяжелое ранение и контузия в августе 1943 г. После выздоровления - 2-й Прибалтийский фронт, где отец и закончил войну в звании старшины пулеметной роты в марте 1945 г., когда после тяжелейшего ранения у него была ампутирована левая нога. В июле 1945 г. он был демобилизован из рядов Советской Армии по инвалидности.

На фронте в 1944 г. отец был принят кандидатом в члены КПСС, с января 1947 г. - член КПСС.

Из госпиталя отец написал своей жене письмо, в котором сообщал о своем ранении и просил ее не связывать свою судьбу с инвалидом. К счастью, она не согласилась, и мои родители прожили вместе всю жизнь. Мама всю войну работала учительницей в селе, а в трудные послевоенные годы, когда отец учился в Москве и уже я появилась на свет, преподавала и в дневной и в вечерней школе - весь дом держался на ней.

В октябре 1945 г. отец поступил в Московский нефтяной институт им. И.М.Губкина на промысловый факультет. К концу первого курса, сознавая, насколько он позабыл все школьные премудрости за четыре военных года, чувствуя себя очень неловко рядом со вчерашними школьниками, он пришел в ректорат с просьбой отчислить его из института. Но его не отчислили, а в 1951 г., получив диплом с отличием, отец был зачислен в аспирантуру, в марте 1956 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию.

И никогда отец не хотел чувствовать себя инвалидом, на протезе научился ходить так, что многие не верили, особенно в молодые годы, что у него нет ноги. Ездил на практику на нефтепромыслы вместе со всеми, плавал, катался со мной на лыжах... И только он сам и мама знали, чего это ему стоило.

Вся последующая жизнь моего отца была неразрывно связана с нашим институтом: ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры бурения; зам. декана, декан заочного факультета; проректор института по вечернему и заочному образованию; заведующий отраслевой лабораторией МИНХ и ГП им. И.М.Губкина. Он учил студентов, с увлечением занимался научной /более 70 научных трудов, в т.ч. 6 авторских свидетельств, 2 монографии/ и административной работой, общественными и партийными делами. Губкинский институт был для отца не просто местом работы, он был его жизнью, его любовью, его гордостью. А заочным и вечерним отделениям и факультетам в Омске, Небит-Даге, Красноводске, Ишимбае, Бугульме, Альметьевске, Салавате, Ухте отец отдал столько времени, сил, труда, энергии как, пожалуй, никто другой.

Отец за свою жизнь имел немало наград, поощрений, почетных званий, но самыми дорогими среди них были медали "За боевые заслуги", "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.", «Ветеран труда», ордена "Отечественной войны I степени" и "Знак почета", звания "Почетный нефтяник", "Почетный работник газовой промышленности".

Отец прожил нелегкую жизнь, но он умел радоваться жизни и всегда считал себя очень счастливым человеком - потому, что прошел страшную войну и после пяти ранений и контузии остался жив; потому, что у него была любимая жена, дочь, внучка; потому, что судьба привела его в наш институт; потому, что у него были настоящие друзья, много друзей.

Иногда я завидую моему отцу, его твердости, принципиальности, широте его души, его способности жить, оставаясь самим собой, а не выживать, приспособляясь к обстоятельствам, его мудрости и готовности помочь другим. Я пытаюсь определить, что же было главным в его характере, и мне кажется, что это - мужество. Мужество сельского мальчишки, который пришел в педагогическое училище, делая 30 ошибок на двух страни-

цах в диктанте, а через год и на всю жизнь стал человеком практически абсолютной грамотности; мужество солдата, вынесшего на своих плечах всю тяжесть военных лет; мужество израненного человека, не признававшего для себя никаких поблажек; мужество честного человека, никогда и ни перед кем не покривившего душой; мужество главы семьи, всегда умевшего поддержать своих близких в трудные минуты; мужество ветерана, с достоинством встретившего непростые годы "перестройки".

Отец умер 17 марта 1992 г.; когда он уезжал в больницу, то попрощался с нами так, как будто знал, что уже не вернется. Он принадлежал своему времени и поколению, на долю которого выпали и тяжкие испытания и блистательные победы, героическому, великому поколению, уходящему от нас навсегда.

Давлетшина Л.Ф. - к. т. н., старший преподаватель кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускница Альметьевского нефтяного института 1998 г.

Встречи случайные — это вся наша жизнь, из них она состоит. Или определяется?... Я часто это слышала от своих наставников, но, будучи молодой и пылкой, мне казалось, что я сама определяю все: хочу поступлю в аспирантуру в московский университет, будучи выпускницей периферийного нефтяного института, хочу сделаю карьеру и буду жить, как хочу и где хочу. А мечтала я, защитившись в РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина, вернуться в ТатНИПИнефть им. В. Д. Шашина (г. Бугульма, Татарстан) и заняться наукой на легендарном Ромашкинском месторождении.

А получилось...

Живу в Москве, преподаю в РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина на кафедре ТХВ, но этого ничего не было бы, если бы не случайные встречи:

Я училась в аспирантуре на кафедре РЭНМ под руководством доцента кафедры Стрижова И. Н. Работа шла, я много времени проводила в библиотеке и в нашей лаборатории по математическому моделированию процессов повышения нефтеотдачи.

Как-то нам объявили, что в лабораторию приедут специалисты из ВНИИ им. Крылова, которые будут заниматься физическим моделированием методов увеличения нефтеотдачи (МУН). Это было очень здорово, потому что для нашей работы не хватало некоторых данных из этого раздела. Я с интересом стала работать, заведующий лабораторией В. Б. Губанов многому меня научил, а потом мы познакомились со всеми сотрудниками институт промысловой химии (ИПХ): Магадовыми Любовью Абдулаевной и Рашидом Сайпуевичем, которые оказались весьма приятными людьми в общении.

Как-то раз они пригласили нас к себе на какое-то мероприятие, и когда дело дошло до разных разговоров, а Рашид Сайпуевич был большой мастер рассказывать интересные истории, я рассмеялась. Любовь Абдулаевна заметила, что я очень похожа на ее однокурсницу, немного расспросов и выяснилось, что это моя мама. Так моя мама и Любовь Абдулаевна встретились через 25 лет после окончания института.

Так оказалось, что эта случайная встреча повлияла на всю мою судьбу — я пошла работать к химикам, на химико-технологический факультет на нашу кафедру. Я никогда не думала, что буду работать с химиками сначала научным сотрудником, а затем по предложению Михаила Александровича начала преподавать.

Да, если бы меня, выпускницу Альметьевского нефтяного института (АНИ), тогда в

1998 году кто-нибудь спросил, хочу ли я этого, наверное я бы ответила: «Может быть», - а про себя подумала бы, что это невозможно...

Пономарева В.В.- аспирантка кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускница РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина 2007 г.

На кафедру технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности я попала не сразу: первые три года моей славной студенческой жизни были посвящены изучению основ нефтепереработки. И вот - четвертый курс. Обстоятельства сложились таким образом, что я была переведена в группу ХТ-02-04. Поначалу я никак не отнеслась к столь знаменательному впоследствии для меня событию. Учеба и учеба. Какая разница, на какой кафедре учиться. Но это было величайшее заблуждение. Пролетели незаметно осенний и весенний семестры. Как всегда неожиданно нагрянули и так же внезапно канули в лету обе сессии четвертого курса. Мы оказались на пятом курсе, еще не подозревая, что последний год обучения принесет столько нового и неожиданного. Нас ожидал целый калейдоскоп событий.

Нагрянули перемены, и заключались они в том, что появились предметы, посвященные применению химических реагентов в технологиях добычи нефти и газа. Звучали доселе нам не известные слова: вторичные и третичные методы извлечения нефти, МУН, КИН, ПНП, ПЗС, РИР, интенсификация добычи нефти, ГРП, глушение скважин и многое-многое другое, от чего голова шла кругом.

Моя дипломная работа была посвящена разработке состава для селективного ограничения притока вод в высокотемпературные добывающие скважины. В сентябре мой диплом представлялся мне ящиком Пандоры. Магадов Рашид Сайпуевич неделями напролет убеждал меня в том, что тема водоизоляции чрезвычайно важна и интересна. Мне ничего не оставалось делать, как верить ему на слово...

А потом были походы в библиотеки, посещение лекций, общение с преподавателями, и к февралю я уже четко понимала, в чем отличие технологий ограничения притока вод в скважины от технологий выравнивания профиля приемистости нагнетательных скважин. Это был прорыв!

Еще одним поистине удивительным событием стала преддипломная практика в Татарстане в ООО «Татнефть-ХимСервис». Практика пришлась на время зимних студенческих каникул, вставать приходилось в пять утра, чтобы в тридцатиградусный мороз успеть на вахтовый автобус, но это не казалось нам бедой, потому что мы увидели чудо – настоящую нефтяную скважину! Помимо экскурсий на зимний нефтяной промысел нам организовали поездки на производство химреагентов, в «ТатНИПИнефть» и кернохранилище, где в качестве

памятного подарка нам подарили двухкилограммовый кусок керна. Это был совершенно грязный кусок горной породы, пропитанный нефтью (хотелось очень в это верить), но он был так дорог и мил сердцу, что не лень было везти его на себе через пол-России, чтобы показать это сокровище другим, еще ничего не подозревающим о существовании подобных вещей в природе, студентам нашей Керосинки. Какими же дикими мы были!...

После успешной защиты диплома я пришла к выводу, что та область знаний, которую мы постигали с большим трудом последний год в Университете, настолько мне интересна, что мне захотелось узнать больше. Поэтому теперь я учусь в аспирантуре на своей родной кафедре ТХВ.

Выражаю огромную благодарность преподавателям кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности за их колоссальное терпение и труд и хочу пожелать им крепкого здоровья, долгих лет жизни и неиссякаемой энергии, чтобы хватило сил вырастить не одно поколение высоко квалифицированных специалистов в области нефтепромысловой химии.

Шидгинов З.А. - м.н.с. кафедры технологии химических веществ для нефтяной и газовой промышленности, выпускник РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина 2009 г.

☉ 30 июля 2004 г., г. Москва, ул. Бутлерова д.5, комната 1315 - «трешка». Я открываю глаза. Который час? 14:14, блин, елки-палки... Надо бежать в университет. Сегодня последний день, когда набирают абитуриентов из резервного списка. Я подлетаю, пытаюсь одеться.

- Где мои носки?

Не найдя своих носков кричу:

– Ребята, дайте кто-нибудь носки!

- Бери.

- Где?

- Там, - и вижу палец спящего человека указывающего на шкаф.

Не найдя нормальных носков, я одеваю первые попавшиеся и лечу в университет. Добегаю до изгороди, все закрыто, нет ни души. Перелезаю через забор, бегу к входу.

Охранник:

-Ты куда?

- В приемную комиссию.

- Списки поступивших уже давно вывешены.

- Я в резерве.

- Ну, беги!

Забегаю в ДК, к стенду факультета «Химическая технология и экология». Издалека слышу от рыжеволосого парня:

- Шидгинов, ты поступил, поздравляю! - с 25 числа я каждый день приходил узнавать, и они уже знали меня в лицо.

- Seriously?!

- Да, вот сидим твои документы оформляем.

Зайдя за угол, где меня никто не увидит, с чувством громадной победы, начинаю прыгать и радоваться как ненормальный. Это счастье можно было сравнить разве только с рождением ребенка.

Вот так я узнал, что поступил на первый курс РГУ нефти и газа им. Губкина со своими 27 баллами по результатам ЕГЭ. Окрыленный огромной победой, я вернулся домой, в Нальчик, где мою радость разделили все мои родственники, и особенно родители. Не посту-

пить в ВУЗ для меня было все равно, что проиграть войну, чувствовать себя униженным, недостойным. Но к моему счастью я добился именно того, чего хотел. Время пролетело незаметно. Пора ехать в Москву, нельзя задерживаться. Но я человек такой крови, что все откладываю на последний день. Иду покупать билеты на ЖД вокзал, а билетов нет вообще. На самолет, оказалось, тоже нет билетов, ближайший - на середину сентября. Что делать? Ехать надо! Отец, поинтересовавшись у своих друзей водителей – челночников, договорился с одним из них, тот согласился забрать меня завтра, посадив на маленький деревянный стульчик в проходе автобуса. Других вариантов не было. Все места были заняты уже давно. На следующее утро, попрощавшись со всеми, я выехал из Нальчика покорять Москву, как мне говорили тогда. В пути, сидя на стульчике, я мысленно прощался с деревьями, речками, селами, которые проезжал мимо. А белоснежные старцы-горы, провожали меня вплоть до Краснодарского края. Доехал я нормально, заселился в общежитии. 29 августа утром, слышу стук в дверь, встаю, открываю и слышу:

- У кого-то сегодня День рождения, а он еще спит! Пойдем отмечать! - и мы пошли отмечать мой праздник с друзьями, с которыми познакомился во время абитуры. В этот вечер я впервые узнал, что такое пиво, водка. И вот 1 сентября - праздник для всех, вручение студенческих билетов, люди все незнакомые, но у всех радостные лица. Так началась моя студенческая жизнь.

☉ Учеба на 1 курсе особых проблем у меня не вызывала, благо школьная база у меня была сильная. С первых же дней учебы я подружился с одногруппником Шуваловым С, потом Гасило А, Молокановым А., и Коноваловым А., с которыми тесно общаюсь до сих пор. Вместе мы выпросили комнату у коменданта. В начале 2 семестра нам выделили абсолютно пустую комнату в блоке 1514, в котором необходимо было сделать ремонт. Начался процесс обустройства своего жилища, и мы подошли к нему основательно. Купили хорошие дорогие обои, люстру общажную мы считали устаревшей. В общем, ремонт мы закончили только к сессии! Но все выглядело в лучшем виде: новый линолеум, обои, люстра, потолочная плитка, большой встроенный шкаф, палас, новые столы, большой новый холодильник в общем все, что нужно.

☉ Время пролетело незаметно, и вот она – сессия. Первый экзамен был по истории отечества. Особого интереса он у меня не вызывал, рейтинговые баллы у меня были хорошие, пятерку можно было получить без проблем. Но старшие товарищи посоветовали взять с собой «Hand's free». Его и еще кучу шпаргалок я взял. Все это мне только помешало, и со словами: «Помощь друга не помогла», я получил свою первую жирную тройку в зачетке. Больше этот товарищ мне ничего не советовал, и я зарекся - более никаких шпаргалок. За все 5 лет у меня так их и не было.

Потом физика. Физика и химия для меня были единственными интересными предметами. Опять же из-за своей глупости, нерасторопности и большого желания поспорить с преподавателем я заработал 25 баллов из 60 в семестре по физике. Экзамен я написал на 40 баллов и экзаменатор с чистой совестью поставил мне 4, за что я был тогда ему очень благодарен. Далее химия, просто 5. Потом высшая математика. Для меня это была просто «вышка». И этот предмет я сдал только в следующем семестре по красному направлению. Скажу прямо, что боевой дух у меня тогда упал до нуля. Я даже не захотел ехать домой после сессии.

☉ В течение второго семестра мы с ребятами стали осознавать, что денег присланных нам родителями, не важно в каком количестве, хватало только на несколько дней. Из нас в предметах кто-то в чем-то понимал больше, кто-то меньше, но мы всегда помогали друг другу. Свободное время решено было потратить на зарабатывание денег. Работать приходилось везде и кем попало. С начала грузчиком, потом набрав свой отряд бригадиром. Позже со своей бригадой участвовал в агитационных предвыборных компаниях. Был я и барменом, официантом, декоратором, кальянциком, менеджером по продажам, мойщиком. В студенческом профкоме возглавлял центр занятости. Помогал я всем ребятам, у которых было желание немного подзаработать, свежими вакансиями либо различными акциями. Мне удалось побывать на форуме «Гражданская смена». Позже я там был администратором, немного погодя удостоился звания «Член клуба Гражданская смена».

☉ Хочется вспомнить такой момент. Рано утром Молоканов А. вместе с братом ломятся в дверь и что – то затаскивают.

- Сань, что приволок?

- Мешок.

- Видим, что мешок, а внутри что?

-Картошка.

- Ха - ха - ха, зачем нам столько?..

Денег у нас было достаточно, и мы ни в чем себе не отказывали. Но вдруг случилось так, что разом все остались без работы, и деньги закончились. Целый месяц мы питались этой картошкой, научились готовить много блюд из нее. После мы начали просто боготворить картошку.

☉ Семестр подходит к концу, каким то чудом мне удастся защитить все лабораторные по материаловедению, но преподаватель, показывая пальцем на нашу шайку, говорит, что выше тройки нам не видать. Что делать? Тройку мы не хотим, но что-то делать надо. На следующий день мы как бабки с пакетами стоим возле двери, заходим к нему. Он беспринципно выставляет нас за дверь, предварительно прочитав нотацию. Недолго думая, пошли мы в столовую и распили самую дорогую бутылку. Позже, после нескольких суток изучения материа-

поведения прихожу я на зачет, с собой взял только голову, забитую мартенситом и ледебури- том. Зачетная работа после нескольких вопросов перешла в разговор о жизни. После часа общения я получил в подарок свою четверку. Но в деканате мне отказались давать направление. Преподаватель поднялся со мной, взял направление. Заполняя его, я делаю ошибку в фамилии преподавателя. Он забирает направление у меня и со словами: «Где вас только делают?», заполняет его сам и относит. Счастью моему не было предела. И это был единственный семестр, который я закрыл без хвостов.

☺ Таким образом, мало по малу, местами хорошо, местами отлично или не очень, я добрался до 5 курса. Хвостов и долгов у меня к этому времени было такое количество, что стыдно было произносить вслух. Скоро Государственные экзамены и меня как непримерного студента вызывают на «ковер». Находясь под натиском упреков и ругани, каким-то образом я умудряюсь закрыть все долги, сдать на «отлично» госэкзамены и на «отлично» защитить дипломный проект. Про то как я все это делал, можно много писать, места не хватит. Пользуясь моментом, только хотел бы поблагодарить моего наставника – доц. Толстых Л.И., научного руководителя – проф. Лыкова О.П., куратора - доц. Никонова В.Н.

☺ Время летит со скоростью света...За время учебы я успел жениться, стал отцом. Немного накопив, купил машину, разбился на ней, а с меня не один волос не упал, за что премного благодарен Всевышнему.

Для меня был дорог каждый день, каждая минута, и я старался везде успеть, ничего не упустить. Мне до глубины души было приятно услышать в кругу своих дедов, родственников, отца и матери, старую кабардинскую пословицу от своего деда: «Тебя за шляпой отправили, а ты и голову прихватил...»

Пользуясь случаем, хочу выразить огромную благодарность нашему Университету, нашему лучшему деканату, нашей самой лучшей кафедре, всем преподавателям, которые воспитывали нас, учили нас, закладывали в нас все самое лучшее, чем обладали...Спасибо!